ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 31 (2414) Суббота, 17 апреля 1948 г. Цена 40 коп.

Укреплять и развивать лучшие национальные традиции

Товарищ Сталин на XVI партийном с'езде говорил, что при социализме «нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают».

Буржуазно-крепостнический строй душил и угнетал народы, всячески пытался помешать развитию их национальной культуры. Советская власть предоставила каждому народу право и возможность — не на словах, а на деле — укреплять и развивать лучшие национальные традиции; строить новую культуру — социалистическую по содержанию и национальную по форме.

Успехи наших братских литератур — замечательное свидетельство благотворного влияния социалистического строя на развитие и совершенствование национальной культуры любого из народов СССР.

За тридцать лет существования советского государства раскрылись родники национального гения в народах, возрожденных к жизни. Обогащаясь опытом и достижениями старших братских литератур и в первую очередь великой русской литературы, эти национальные таланты окрепли, возмужали и вошли в общее русло социалистической культуры, сохраняя всю свою национальную свежесть и неповторимость.

Огромные достижения социалистической культуры, поражающей богатством национальных форм, продемонстрировали всему миру величие и правильность ленинско-сталинской национальной политики, одним из основных принципов которой является утверждение равноправия наций, глубокое понимание того, что без национального развития немыслимо развитие человечества.

Ленин писал о том, что «интернациональная культура не безнациональна», что мы стоим за такую интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит ее передовое, последовательно демократическое и социалистическое содержание.

Космополитизм глубоко враждебен интернационализму.

Космополит — это человек, чуждый своему народу, своей родине, ее лучшим традициям, обычаям, культуре и искусству. Об'являя себя «гражданином мира», он стирает границы между народами, бесцеремонно отбрасывает понятия национальной самобытности и независимости.

Вредоносное, обессиливающее и разлагающее влияние космополитических «теорий» в свое время прекрасно понимали Белинский, Герцен, Щедрин и многие другие представители великой русской литературы. Белинский гневно обрушился на современных ему космополитов — представителей буржуазно-дворянского либерализма, заклеймив их презрительной кличкой «беспачпортных бродяг в человечестве». Он блестяще доказал, что этим «сторонникам фантастического космополитизма», болтавшим о превосходстве Западной Европы, равно чужды интересы как русского крестьянина, так и французского пролетария. «Желудочно-половыми космополитами» уничтожающе называл Салтыков-Щедрин русских бар, восхищавшихся буржуазными западноевропейскими порядками.

Идейки космополитизма — порождение буржуазного мировоззрения, культуры эксплоататорского общества, для хозяев которого там и отечество, где нажива.

Ныне эти идейки подхвачены идеологами империализма, в том числе правыми социалистами, которые меряют все — и человеческое достоинство, и национальную честь и независимость, и государственный суверенитет, и народную свободу — одной меркой: долларом, фунтом, франком.

В наше время стало особенно очевидно, что некоронованные короли империалистической Америки являются смертельными врагами свободы и независимости народов всего мира. Международные союзы, блоки и группировки, поспешно сколачиваемые по «планам» и «доктринам» американских политиков и дельцов, означают на деле стремление уничтожить свободу, независимость и счастье народов. Империализм отрицает национальную независимость и самобытность, — космополитизм служит этой же цели.

Вред и порочность космополитических «теорий», отрицающих самобытность и оригинальность национального характера, ясны каждому человеку, которому дороги народные судьбы и интересы.

Наше советское понимание нации с предельной, исчерпывающей ясностью и глубиной раскрыто товарищем Сталиным в недавней речи на обеде в честь Финляндской правительственной делегации.

«Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями, — сказал он. — Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые, и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации».

Вне национального в области культуры, искусства немыслимо истинное творчество. «Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами» (А. А. Жданов).

А между тем, еще встречаются и у нас в отдельных кругах интеллигенции люди, которые готовы забыть о лучших традициях своего народа, о его национальной гордости ради того, чтобы щегольнуть западной «новинкой», формалистическим вывертом или сомнительной эрудицией космополита.

Одной из важнейших задач советской литературы и искусства, призванных воспитывать в наших людях чувство советского патриотизма, национальной гордости, является задача беспощадного последовательного разоблачения космополитических теорий, их буржуазной сущности. Эту важнейшую политическую задачу наше искусство выполняет еще далеко недостаточно. Между тем влияние космополитических взглядов до сих пор сказывается в различных областях нашего искусства и науки.

Ряд музыкальных критиков поспешил об'явить «старомодной» великую музыку Мусоргского, Глинки и Чайковского. Некоторые незадачливые последователи Веселовского повернулись спиной к русской литературе и занялись старательным вычерчиванием бессмысленных международных «маршрутов» отдельных сюжетов, образов, мотивов и деталей. Отдельные языковеды до сих пор из'ясняются на своеобразном академическом «волапюке» и забыли о том, что русский язык — это язык Ленина и Сталина, родной язык революции и свободы. Нередко в работах некоторых наших литературоведов, критиков, искусствоведов, историков проскальзывают, вольно или невольно, то в прямой, то в завуалированной форме, положения, заимствованные из арсенала космополитизма.

Писатели, деятели науки и искусства, критики и литературоведы всех братских советских народов должны вести решительную борьбу с проявлениями космополитизма и низкопоклонства перед буржуазным Западом в искусстве, в науке, в быту, в сознании отдельных представителей интеллигенции, чтобы с честью выполнить свою святую обязанность — воспитание народа в духе советского патриотизма — великой движущей силы нашего социалистического общества.

Предвыборное «чудо» г-на де Гаспери

На страницах реакционной итальянской печати широко рекламируется весть о «чуде» в Ассизи, где будто бы начала «двигаться» статуя мадонны.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Движущаяся «мадонна доллароза»

Италия накануне выборов

Рим сегодня — это город плакатов и лозунгов. Буквально все стены огромных зданий сплошь заклеены предвыборными афишами. Тротуары усеяны листовками. Их разбрасывают с крыш, из окон домов, из трамваев, автомобилей и даже с велосипедов.

18 апреля народ Италии будет выбирать 574 депутата и 237 сенаторов. В 31 округе страны выставлено 5.623 кандидатуры от 45 политических партий и группировок. В список Народного демократического фронта включены 572 кандидата.

Сегодня — последний день предвыборных митингов, собраний, докладов. И поэтому так кипуч этот день. Многотысячные толпы оживленно комментируют последние выступления политических лидеров, опубликованные в утренних газетах и непрерывно передаваемые по радио. Плакаты, аншлаги, листовки призывают итальянцев на выборы.

На улицах и площадях столицы идет настоящая «битва плакатов». Вот огромный плакат, на котором изображены крест и щит — предвыборная эмблема христианско-демократической партии. С другого плаката, возвышающегося над отелем, умильно улыбается «дядя Сам».

Такое сочетание избирательных плакатов вовсе не случайно. Реакционные силы страны открыто связывают предвыборную кампанию с так называемой «бескорыстной помощью» Соединенных Штатов Америки. По заокеанскому рецепту строится и финансируется вся избирательная борьба официального правительственного блока. Клика де Гаспери, руководствуясь принципом «все средства хороши», изо дня в день провокационно сообщает о «коммунистических заговорах», организует фашистские погромы.

Стремясь любой ценой добиться большинства на выборах, де Гаспери запугивает избирателей, а «святой престол» грозит им даже отлучением от церкви, если они будут голосовать за Народный фронт.

Для руководства избирательной борьбой реакционного блока в Италию прибыли официальные и частные представители США. Список этих «наблюдателей» возглавляют — личный представитель Трумэна при Ватикане Майрон Тэйлор, полковник Полетти, бывший американский губернатор Рима, американский «король рекламы» Гуидо Орландо. Все эти визитеры развернули демагогическую кампанию, которая, по их мнению, должна создать впечатление, что если де Гаспери проиграет на выборах, дело может дойти до открытой американской интервенции.

В итальянских газетах сообщается, что из секретных фондов правительства США на «покупку выборов» в Италии отпущено 20 миллионов долларов. Теперь от финансирования реакционных политических партий официальные представители США уже перешли к дипломатическому шантажу и «демонстрации военной силы». Военные корабли США патрулируют вдоль итальянских берегов. Государственный департамент предполагает ко дню выборов направить в итальянские воды 27 военных кораблей, из них 3 авианосца, 6 крейсеров, 14 миноносцев.

18 апреля над Римом пролетят эскадрильи сверхмощных «летающих крепостей». Один из американских репортеров, находящийся на борту уже стартовавшего в Европу бомбардировщика, радирует: «Летающие крепости» продемонстрируют над Италией силу западных держав».

Так бесцеремонно американские «демократы» вмешиваются во внутренние дела Италии, стараясь навязать ей свою волю, свою политику.

Но народ готов отстаивать свою свободу и независимость.

Эмблеме «Креста и щита» противостоит на выборах «эмблема Гарибальди» — символ всех прогрессивных сил, поддерживающих Народный демократический фронт. В это подлинно народное об'единение входят миллионы мужчин и женщин. Кроме социалистов и коммунистов, в состав Народного фронта входят партии демократии труда и социально-христианская, группа депутатов республиканской партии, социалистическое движение пролетарского единства, «христианское движение за мир» и многие ассоциации передовых итальянских интеллигентов. Это — итальянский народ, это — люди, которые хотят быть хозяевами своей судьбы.

П. ЗВАНЦЕВ

РИМ, 16 апреля. (По телефону).

На стройках пятилетки

ВОЛЖСКИЙ КАСКАД

ГОРЬКИЙ. (Наш спец. корр.) «Будущим поколениям не придется решать загадки дна нового моря. Мы оставим им точные данные о нем, ибо сможем изучить его еще до того, как это море займет свое место на карте».

Эти слова инженера Главгидроэнергостроя тов. Загородникова, сказанные им еще в Москве, вспомнились мне в тот момент, когда я оказался на «дне» гигантского водохранилища. Оно разольется близ родины великого русского писателя — города Горького. Вода приведет в движение турбины Горьковской гидроэлектростанции, лишь немногим уступающей по масштабам другой крупнейшей новостройке послевоенной пятилетки — Камской гидроэлектростанции. Это будет еще одно звено в системе использования гидроэнергетических ресурсов Волги, грандиозная реконструкция которой начата по инициативе товарища Сталина.

Иваньковская, Угличская и Щербаковская гидроэлектростанции, созданные на верхней Волге, вступили в строй, и на географической карте СССР появились три новых «моря» — три обширных волжских водохранилища. Но это лишь начало. Географической карте предстоит еще претерпеть немалые изменения. Горьковская ГЭС одна из первых делает на это заявку. Новая стройка сталинской пятилетки принесет не только новые географические понятия, но и в значительной степени изменит экономический облик огромного края. Здесь вырастут многочисленные промышленные предприятия. Станция снабдит электроэнергией народное хозяйство Горьковской, Ивановской, Владимирской, Ярославской и Костромской областей, улучшит электроснабжение Москвы.

Эта грандиозная стройка уже живет большой полнокровной жизнью.

Миновав оживленные улицы города Горького, через 20—25 минут мы под'езжаем к дальним подступам будущей гидроэлектростанции. Еще никаких сооружений не существует, но ориентиры, приметы большой стройки встречаешь на каждом шагу. Прокладывается широкоэлейная железнодорожная ветка. Протянувшись на 18,5 километра, она свяжет ближайшую станцию Правдинск с территорией строительства ГЭС. Мощные экскаваторы заготовляют грунт для будущей дороги. Вереницей тянутся к насыпи грузовики-самосвалы с землей. Насыпь растет на глазах. И скоро по этой ветке уже помчатся составы с материалами и оборудованием.

Оставив позади себя Правдинск, мы вступаем в правобережную пойму Волги. Ее просторы необозримы. В пойменной поросли лесорубы прорубают широкие просеки для высоковольтной линии электропередачи от системы Горьковской государственной районной электростанции. Плотники сооружают опоры для подвески проводов, землекопы роют котлованы под опоры: прежде чем стать поставщиком энергии, строящаяся ГЭС временно будет ее потребителем.

Вверх по Волге, в 53 километрах от города Горького, стоит древний Городец — ровесник Москвы, тоже основанный Юрием Долгоруким. Здесь, близ города, развертывается площадка будущей ГЭС.

На левом берегу поймы, отделенные от нас пятикилометровым расстоянием, в голубоватой весенней дымке маячат приземистые избы деревень Тарханово и Желтухино. Там сейчас тихо и даже безлюдно. Но это временная тишина. Придет срок (он приближается с каждым днем), когда и здесь начнется горячая страда. Пока же шум стройки несется с правобережья, где уже сотни рабочих, инженеров и техников развернули подготовительные работы. В первых строительных бригадах мы встретили немало днепростроевцев, обогащенных опытом сооружения крупнейшей советской гидроэлектростанции.

На правом берегу сооружаются вспомогательные предприятия — механические мастерские, лесокомбинат, гаражное хозяйство, электрическая подстанция и временный рабочий поселок на несколько тысяч человек.

Строительство Горьковской ГЭС будет механизировано неизмеримо больше, чем любая из прежних подобных строек. Почти на 100 процентов механизируются земляные и бетонные работы, а ведь предстоит вынуть и насыпать земли в два раза больше, чем на Днепрострое. Первая очередь Горьковской ГЭС должна вступить в эксплоатацию в 1953 году.

Что будет представлять собой новый гидроузел?

В состав Горьковского гидроузла войдут гидроэлектростанция, сооружаемая в русле Волги, у правого ее берега, водосливная железобетонная плотина длиною в 336 метров, земляная дамба протяжением 12,6 километра и двухступенчатый шлюз для пропуска судов и плотов. Управление станцией и шлюзом будет предельно механизировано.

Шлюз разместится на левом берегу Волги. Между его ступенями образуется акваторий площадью свыше трех квадратных километров. Он сможет служить затоном для судов. По плотине будет проложена шоссейная дорога, связывающая правый берег Волги с левым.

Плотина поднимет горизонт воды в реке над уровнем паводка более чем на 10 метров. Выше плотины образуется водохранилище площадью 1800 квадратных километров — это и будет новое море, в пять раз большее, чем «Московское».

Берега водохранилища подступят к некоторым кварталам окрестных городов — Чкаловска, Кинешмы, Юрьевца, Пучежа. Из зоны затопления на более высокие места будут переселены целые деревни с общим числом около 6 тысяч дворов. Для защиты ценных сельскохозяйственных территорий от затопления будут насыпаны земляные валы протяжением до ста километров.

Вот несколько цифр, характеризующих об'ем работ по сооружению гидроузла: предстоит вынуть 12 миллионов и насыпать 20 миллионов кубометров земли; уложить миллион кубометров бетона и железобетона; смонтировать 12 тысяч тонн металлических конструкций и механизмов; забить 4 тысячи тонн шпунтов (металлических свай).

Все оборудование для Горьковской гидроэлектростанции будет создано на заводах Советского Союза.

Р. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ СЕВЕР

Тысячи экспонатов выставки, организованной Северным отделением восточного факультета Государственного ордена Ленина ленинградского университета и музеем Арктики, отображают трудовую жизнь, быт и культуру народов советского Крайнего Севера. Какой необычайный путь прошли они за годы советской власти! Мы идем от стенда к стенду, и перед нами все глубже раскрывается величие победы, которую одержала здесь, на Крайнем Севере, ленинско-сталинская национальная политика, политика нерушимой дружбы и братства народов.

Открывают выставку экспонаты, посвященные прежней жизни народов этого далекого огромного края нашей страны. Прокопченная, черная от дыма яранга. Возле очага чукчанка зубами отдирает остатки мяса с оленьей шкуры — так обрабатывали тогда меха. Жалкое существование влачили не только чукчи, но и ненцы, эвенки, ханты, манси, якуты, нанайцы и другие северные народности. Они были обречены царским самодержавием на вымирание от болезней и голода.

Об освоении Крайнего Севера давно мечтали передовые люди России. «Усугубиться может Российская слава, соединенная беспримерною пользою через изобретение Восточно-северного мореплавания в Индию и Америку», — писал великий русский ученый М. В. Ломоносов. Шли годы, проходили десятилетия, но мечта оставалась мечтой. Осуществить ее оказалось под силу только партии большевиков, советской власти, освобожденному народу.

Освоение Северного морского пути началось по инициативе товарища Сталина. В разведку пошли моряки, ученые, летчики, радисты, картографы... Схемы, карты, фотографии показывают, как, преодолевая огромные трудности, упорно продвигались к намеченной цели отважные советские люди.

Вот макет парохода «Сибиряков». Его команда первой проходит в одну навигацию великий путь с запада на восток. Путь открыт! Все новые караваны судов бороздят полярные воды. Возникают новые полярные станции. За Полярным кругом устанавливается регулярное воздушное сообщение. Аэросани и вездеходы везут продовольствие, медикаменты, литературу.

В краю снегов и непуганого зверя быстро растет индустрия. Все больше угля выдают на-гора шахтеры Чукотки. По рекам Заполярья плывут плоты строевого леса. На железной дороге Кировск — Апатиты электровозы тянут тяжелые поезда. Круглые сутки визжат электропилы Пеледуйской судоверфи на Лене. Шлюзы, плотины, дамбы и опять шлюзы: это крупнейшее сооружение нашей эпохи — Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. Морские суда из Белого моря идут прямо на Балтику, в Ленинград.

...Под фотографией домика в селе Курейка, где товарищ Сталин отбывал последнюю ссылку, помещена цитата из книги В. Швейцера «Сталин в Туруханской ссылке».

«Сталин не раз говорил нам, что более забитый, запуганный и нищенствующий народ, чем на Севере, вряд ли можно найти еще где-нибудь...

— Возродить этот народ, создать для людей Севера, как и для всего народа, подлинно человеческую жизнь — наш священный долг...»

Большевики выполнили свой долг. В каждом населенном пункте советского Крайнего Севера есть теперь школа, больница или фельдшерский пункт, клуб, кино, радио. В тайге и тундре возникли сотни благоустроенных поселков. Выходят десятки газет на языках местных национальностей. На стенде рядом с газетами — сотни книг «Вопросы ленинизма» И. В. Сталина на якутском языке, «Дубровский» А. С. Пушкина на эвенкском, «Муму» И. С. Тургенева на нанайском, много учебников, художественных произведений ненецких, чукотских, якутских писателей и поэтов. Среди манси, хантов, долган уже немало врачей, педагогов, художников и артистов.

Открытие выставки было приурочено к научной конференции, посвященной изучению языков, фольклора, истории, этнографии, экономической географии и культурного строительства народов северо-востока Азии. Выставку нужно сохранить и обязательно пополнить новыми экспонатами. Здесь нет почему-то материалов за последние годы. Между тем только в Якутской АССР за это время вновь открыто 46 школ, создана база Академии наук СССР. Недостаточно полно отражает выставка участие народов Севера в Великой Отечественной войне и, главное, — осуществление работ, намеченных на Крайнем Севере планом послевоенной сталинской пятилетки.

В. АКШИНСКИЙ

К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского

Страна чтит память великого критика

15 апреля в московском Доме ученых, под председательством А. А. Фадеева, состоялось второе заседание Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского.

Комитет заслушал доклад о ходе подготовки к памятной дате в союзных республиках — Украине, Белоруссии, Грузии, Азербайджане, Армении, Казахстане, Туркмении и Латвии.

Подготовка к знаменательной дате широко развернулась по всей стране. Выпускаются однотомники произведений Белинского, сборники его статей и статей о нем, монографии, брошюры, популярные биографии и плакаты. Культурно-просветительные учреждения и союзы советских писателей братских республик проводят доклады и лекции, посвященные жизни и деятельности великого революционного демократа.

Подробно рассказав собравшимся о мерах, проводимых Украинским республиканским комитетом, А. Е. Корнейчук сообщил, что в Киеве, Харькове и Львове открываются большие выставки, посвященные жизни и творчеству В. Г. Белинского. В Киевском государственном университете имени Шевченко будет проведена научная сессия гуманитарных факультетов. Госполитиздат УССР выпускает двухтомник избранных произведений философских работ Белинского. Государственное издательство Украины издает десятитысячным тиражом однотомник произведений великого критика в 30 печатных листов, биографию Белинского тиражом в 30 тысяч экземпляров.

Ответственный секретарь Союза советских писателей Армении Сирас рассказал, что отдельные произведения Белинского издавались в Армении еще до Октябрьской революции. Научными работниками произведены розыски этих старых изданий, напечатанных на армянском языке. Обнаружено около 50 статей, в том числе напечатанная в 1861 году статья Белинского о поэзии.

Ф. М. Головенченко сообщил об издании сочинений В. Г. Белинского и о предстоящем выходе в свет сборника воспоминаний о великом критике.

Комитет обсудил план выставки, посвященной жизни и деятельности В. Г. Белинского, которую устраивает Государственный литературный музей.

В обсуждении докладов приняли участие тт. А. А. Фадеев, Н. А. Михайлов, С. В. Кафтанов, Д. Т. Шепилов, А. А. Вознесенский, В. П. Волгин, А. М. Еголин, А. С. Гундоров, Н. Л. Бродский, Н. Ф. Бельчиков, Е. Н. Мединский и другие.

Первый всесоюзный с'езд композиторов

19 апреля в Колонном зале Дома союзов откроется первый Всесоюзный с'езд советских композиторов.

500 делегатов с'езда, выбранные на местах, представят музыкальную общественность всех 16 республик.

С докладами «30 лет советской музыки и задачи советских композиторов» выступят председатель оргкомитета Союза советских композиторов Б. В. Асафьев и генеральный секретарь Т. Н. Хренников. Представители союзных республик в содокладах осветят развитие советской музыкальной культуры и музыкальное творчество народов СССР за 30 лет. С'езд обсудит и утвердит проект устава и изберет правление Союза.

Заседания будут сопровождаться концертами, в которых делегаты ознакомятся с лучшими советскими музыкальными произведениями, как русскими, так и национальными.

В Москву прибыли первые делегаты с'езда: из Узбекистана — народные артисты республики М. Ашрафи и Т. Садыков, из Киргизской ССР — народный артист республики И. Туманов, из Грузинской ССР — народный артист республики композитор Д. Аракишвили.

В беседе с нашим корреспондентом Д. Аракишвили заявил:

— Грузинские композиторы с большой радостью приезжают на первый в истории советской музыки Всесоюзный с'езд композиторов. Постановление ЦК ВКП(б) об опере Вано Мурадели «Великая дружба» указывает нам путь нашего творчества. Этот путь — глубокое творческое освоение традиций русской и мировой классики, создание музыкальных произведений, отображающих жизнь социалистического общества. Мы надеемся, что с'езд сыграет большую роль в дальнейшем развитии советской музыкальной культуры и, в частности, грузинской музыки.

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ

Завтра, в связи с первым Всесоюзным с'ездом советских композиторов, в Государственном центральном музее музыкальной культуры в Москве открывается большая выставка.

Ее цель — отобразить реализм, демократические идеи, народно-песенные основы русской классической музыки.

Главный раздел дает представление о жизненном и творческом пути величайших классиков русской музыки — Глинки, Чайковского, композиторов «могучей кучки» — Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина. В этом же разделе сосредоточены экспонаты, характеризующие деятельность Даргомыжского, Серова, Стасова, Балакирева, Антона Рубинштейна, представителей петербургской и московской музыкальных школ конца XIX и начала XX веков — Танеева, Аренского, Рахманинова, Скрябина, Глазунова, Лядова.

Экспонаты подчеркивают мировое значение русской классической музыки и ее роль в музыкальной культуре СССР. Об органической связи русской народной мелодии с классической музыкой свидетельствуют, в частности, документы, относящиеся к Глинке, Чайковскому, Римскому-Корсакову и Мусоргскому, широко использовавшим в своем творчестве народные песни.

На стендах воспроизведены высказывания Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова, Герцена, Белинского, Добролюбова, Одоевского, Стасова, Серова, утверждавших принципы реализма и народности в русской классической музыке. Здесь же экспонированы автографы композиторов, их живописные и скульптурные портреты, нотные рукописи, художественные панорамы, воссоздающие места, где жили и творили русские композиторы.

Выставка организована отделом научно-исследовательских учреждений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. В день ее открытия в Большом зале Московской консерватории состоится собрание композиторов и музыкантов, на котором будут продемонстрированы в концертном исполнении лучшие образцы русской классической музыки.

За партийность в исторической науке

Проф. В. СВЕТЛОВ

Перед советскими историками стоят важные задачи: неустанно разоблачать буржуазную историческую науку и фальсификаторов истории, бороться с безыдейностью, аполитичностью, с проявлениями низкопоклонства перед буржуазной наукой, всемерно развивать советскую науку.

Недавно Министерство высшего образования СССР провело всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории СССР высших учебных заведений, посвященное обсуждению вопросов преподавания и дальнейшего развития советской исторической науки.

В центре внимания совещания было обсуждение книги проф. Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». В книге проф. Рубинштейна, как в фокусе, отразились все основные ошибки и недочеты, еще свойственные некоторым нашим историкам. Поэтому обсуждение ее вызвало большой интерес у собравшихся, и по важнейшим вопросам, затронутым в ней, развернулась оживленная дискуссия.

Среди исторических наук историография, естественно, должна занимать ведущее место, как наука, имеющая большое теоретическое и методологическое значение. Дореволюционные историки не много сделали в этой области. Поэтому для советских историографов здесь обширное поле деятельности. Однако проблемам историографии у нас до сих пор уделялось мало внимания. Причиной этого были неизжитые до сих пор в отдельных наших научных исторических учреждениях стремление обходить теоретические вопросы и наличие элементов аполитичности, об'ективизма, отсутствие подлинной боевой партийности у некоторых историков.

Книга проф. Рубинштейна представляет собой первую попытку создать советский учебник русской историографии. Но к труду этому автор подошел с неправильных позиций. Книга написана им в духе «профессорского» об'ективизма. В ней монотонно сообщается о том, что на смену одному историку приходит другой, что один историк дополняет другого и т. д. Автор стремится сохранить за собой позицию стоящего в стороне, «беспристрастного», т. е. равнодушного наблюдателя. Он находится под явным влиянием дореволюционных историографических работ. В книге отсутствует глубокий научный марксистский анализ русских дворянских и буржуазных исторических школ.

«Домарксовская «социология» и историография, — писал Ленин, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных... Марксизм указал путь к всеоб'емлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций...»

Автор книги «Русская историография» не руководствовался этим положением Ленина. В результате чисто об'ективистского подхода к анализу развития общественной мысли и исторической науки у Н. Л. Рубинштейна получилось, что марксистская историческая наука явилась простым продолжением буржуазной исторической науки. Он не провел четкой границы между марксистской историографией и предшествующей ей буржуазной, которая к тому же не подвергнута им научно-обоснованной глубокой критике.

Ошибочные, немарксистские исходные позиции помешали проф. Рубинштейну дать правильное определение предмета историографии как науки. «Задача русской историографии, — пишет он, — дать историю развития русской исторической науки в условиях развития русской истории, в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания» (стр. 13). В этом определении нет даже намека на то, что историческая наука, в том числе и историография, носит классовый, партийный характер.

И именно с немарксистским определением предмета историографии у автора, прежде всего, связана его фальшивая, не соответствующая действительности, чуждая марксизму концепция: русская историографическая наука представляет собою бледное отражение западноевропейской науки, запоздалый пересказ идей Запада. Через всю книгу проводится мысль, что у русских историков как в мировоззрении, так и в понимании исторического процесса не было ничего своего, оригинального.

В книге проф. Рубинштейна принижается роль русских ученых-историков. У него получается, что основы русской исторической науки были заложены не русскими учеными, а учеными западноевропейских государств, и, в первую очередь, немцами. Русские ученые рассматриваются проф. Рубинштейном как простые подражатели, последователи немецких историков и философов. Особенно принижает он исторические заслуги Ломоносова, Герцена, Добролюбова, Белинского, Чернышевского, и, наряду с этим, всячески преувеличивает роль приезжавших в Россию немецких историков: Байера, Миллера, Шлецера, Фишера и др. При этом особую заслугу Байера автор видит «в постановке им варяго-русского вопроса», из которого вытекает пресловутая норманская теория «о призвании варягов», не выдерживающая никакой научной критики.

«Подлинным представителем русской науки» проф. Рубинштейн считает Шлецера, а между тем Шлецером был выдвинут лженаучный германофильский тезис, будто бы русский и другие славянские народы получили семена цивилизации через посредство немцев. И этого-то псевдоученого немца, клевещущего на русский народ, проф. Рубинштейн считает основоположником русской историографии и «благожелателем дел русских»!

Проф. Рубинштейн сообщает также, будто бы Эверс «первый в русской историографии подошел к раскрытию закономерности исторического развития» (стр. 232). Между тем, известно, что Эверс, воспитанник Геттингенского университета, занимался русской историей, не зная даже русского языка, следовательно, совершенно ясно, что серьезного отношения к русской исторической науке он не имел.

Проф. Рубинштейн принижает русскую историческую науку, не видит ее самостоятельности, оригинальности и искажает факты, пытаясь доказать, что истоки русской науки восходят к немецким ученым.

В действительности, основоположником русской исторической науки был Ломоносов. Ломоносов положил начало антинорманскому направлению в ней, вырвал ее из «немецкого пленения». Его труд «Древняя российская история»—труд борца за честь русского народа, за честь его культуры, языка, истории.

В книге проф. Рубинштейна не показана напряженная борьба, которую вели выдающиеся русские ученые — Ломоносов и другие — с иностранцами в русской исторической науке.

Преклонение автора книги «Русская историография» перед немецкой исторической и философской наукой настолько велико, что даже выдающиеся представители русского народа—революционеры-демократы сведены им на положение механических подражателей философским системам Гегеля и Фейербаха.

Проф. Рубинштейн вообще отрицает какие-либо заслуги Чернышевского в области русской истории.

Серьезнейшим недостатком работы проф. Рубинштейна является также то, что в ней, по существу, отсутствует специальный раздел, посвященный возникновению и развитию марксистской исторической науки в России. Этому вопросу в ней уделяется лишь некоторое место в разделе «Русская историческая наука в период империализма». Великая преобразующая роль марксизма-ленинизма в исторической науке, таким образом, оказывается затушеванной, и марксистско-ленинская историография дается в книге не как новый этап в науке, а как заключительное звено развития буржуазной исторической науки.

В книге отсутствует также раздел, освещающий развитие русской исторической науки в советский период. Не показано великое благотворное влияние на нее трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, указаний большевистской партии.

Обсуждение книги проф. Рубинштейна показало, что автор ее не смог разрешить взятую им на себя задачу. Книга проф. Рубинштейна лишена главного — того, что делает труд ученого живым и нужным, — в ней нет марксистско-ленинской партийности.

Необходимо написать новый учебник историографии, который будет правильно ориентировать учащуюся молодежь. Создание подлинно марксистско-ленинского учебника по историографии — дело огромного политического значения. Нужно создать квалифицированный авторский коллектив, вовлечь в него также и работников периферии. Необходимые для этого силы у нас имеются. Следует привлечь к этому делу также наших молодых историков, не допуская вредной монополии отдельных ученых.

***

Другим вопросом, вызвавшим на совещании длительное и оживленное обсуждение, был доклад академика И. И. Минца о проекте «Программы по истории СССР» (для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов).

Обсуждение показало, что в проекте «Программы по истории СССР», подготовленном группой историков под руководством академика И. И. Минца, имеются весьма существенные недостатки. В частности, вопрос о смене общественных формаций не нашел в программе достаточного отражения, нет ясного указания на то, что Киевская Русь явилась колыбелью трех братских народов: русского, украинского и белорусского. Недостаточно освещен также вопрос о славянстве; не выделен специально раздел о послевоенном развитии советского государства; весьма слабо и недостаточно показано развитие культуры советского народа; в проекте программы содержатся серьезные ошибки идеологического порядка.

Серьезной критике подверглась также работа журнала «Вопросы истории». Участники совещания справедливо указывали на то, что журнал этот еще не возглавил в должной мере борьбу против враждебных марксизму современных буржуазных учений в области истории.

На совещании указывалось также на то, что Институт истории Академии наук СССР, в частности сектор истории советского периода, не руководит деятельностью многочисленных коллективов советских историков, в том числе историков периферии, не оказывает им должной помощи, слабо организует научную разработку вопросов истории советского общества.

Совещание руководителей кафедр истории СССР показало, что за последние годы значительно выросли в идейном отношении кадры советских историков. Выступления историков, прибывших с периферии, отличались идейной зрелостью и партийной остротой.

Дискуссия по книге проф. Рубинштейна «Русская историография» показала уменье кадров историков критически оценить наследство, оставленное нам старой исторической наукой, умение ставить и разрешать новые, важные и актуальные вопросы дальнейшего развития советской исторической науки. Уроки только что проведенной дискуссии по вопросам историографической работы принесут большую пользу работникам исторического фронта.

ЧИСЛОМ ПОМЕНЕЕ, ЦЕНОЮ ПОДОРОЖЕ...

И. БАРУ

На Тихом океане случаются тайфуны, которые вырывают с корнем столетние деревья. Но это наименее распространенный способ заготовки леса. К тому же в лесных краях нашей Родины тайфунов не бывает. Для того, чтобы свалить дерево, люди там употребляют обыкновенные пилы. Для того, чтобы эти пилы были острыми, требуются напильники. Нехватает напильников — значит, нехватает леса. Нехватает леса — значит, нехватает строительных материалов, нехватает целлюлозы, бумаги, школьных тетрадей и прочих предметов, которые производятся из древесины.

Месяц назад в «Литературной газете» была опубликована статья «О том, как мелочь стала проблемой». В статье речь шла о том, что наши лесорубы испытывают острую нужду в напильниках для точки пил. По вине Министерства станкостроения мелочь (то-есть напильники) превратилась в проблему (то-есть в отсутствие напильников), решить которую, по твердому убеждению лесорубов, должно было бы все то же Министерство станкостроения.

Статья вызвала отклики. В редакцию поступили письма от лесорубов, от работников напилочных заводов. Откликнулся и министр станкостроения тов. Ефремов.

Как и следовало ожидать, тов. Ефремов в своем ответе признает, что статья тов. Фиша «правильно ставит вопрос о недостаточном обеспечении лесозаготовительных организаций напильниками для точки пил».

Далее тов. Ефремов сообщает: «Дальнейшее увеличение выпуска напильников и повышение их качества зависело от получения стали». Тов. Ефремов жалуется на завод № 259 Министерства сельхозмашиностроения и на Омутнинский завод Министерства черной металлургии, которые поставляют сталь для производства напильников.

Плохо, конечно, что напилочная сталь поступает на станкостроительные заводы в недостаточном количестве и невысокого качества, но, честное слово, лесорубам достается от этого куда хуже, чем тов. Ефремову: пилить-то все-таки им.

Да и напрасно это— кивать на Петра. Ну, хорошо, станкостроители, положим, жалуются на плохое снабжение сталью. А ну, как если сталевары начнут кивать на горняков — дескать, руды маловато,— а те в свою очередь пожалуются на нехватку крепежного леса, а лесорубы... впрочем, тут мы возвращаемся к нашей теме—к напильникам.

«Со своей стороны Министерство станкостроения, — сообщает тов. Ефремов, — ставит перед собой задачу дальнейшего значительного повышения выпуска напильников для точки пил. Коллегия министерства с привлечением директоров напилочных заводов специально рассмотрела этот вопрос, а также утвердила план организационно-технических мероприятий по внедрению... оказанию... повышению...»

Ну что ж, раз «специально рассмотрела» и «утвердила», то нам остается только, пожелав тов. Ефремову успехов, поставить на этом деле точку, тем более, что даже министр лесной промышленности тов. Орлов в беседе с сотрудником «Литературной газеты» заверил общественность в том, что, по его твердому убеждению, лесорубы к осени напильники получат. Дай-то бог, тов. Орлов!..

На этом деле можно было бы поставить точку, если бы в редакцию не прибыло еще одно письмо — письмо читателя из Миасса.

Тов. Верстовский пишет: «Много сейчас говорят на Миасском напилочном заводе о статье Г. Фиша. Людям как бы стал яснее смысл их работы, они отчетливее и глубже поняли государственное значение своего труда. Часто приходится слышать вопросы: кто же виноват в том, что лесорубы вынуждены выходить на делянки с тупыми пилами?

Каково положение на самом заводе? План прошлого года по напильникам ДТП (для точки пил) выполнен на 36 процентов, в январе нынешнего года на 46 процентов, в феврале на 51 процент. Может быть, это общее отставание завода? Отнюдь нет. По некоторым видам напильников достигнуты поистине головокружительные цифры. Так, по группе фрезерных напильников план прошлого года перекрыт более чем вдвое. Февральский план выпуска тарированных напильников выполнен на 577 процентов, специальных роторных напильников на 218 процентов и т. п.».

В чем же дело? Почему сердцу директора Миасского завода тов. Вохминцева так близки фрезерные напильники? Может быть, именно в них испытывает наша промышленность особенную нужду? Да ничего подобного. Наоборот, заводские склады завалены продукцией такого рода. Почти на 900 тысяч рублей напильников-надфилей, на 250 тысяч бархатных напильников, на 100 тысяч фрезерных лежат мертвым грузом на складах Миасского завода.

Ларчик открывается просто: пилоточные и слесарные напильники дешевы и выпускать их невыгодно. Поэтому дорогие сорта напильников, не находящие сбыта, запускаются в производство.

Это, конечно, прямой ущерб государственным интересам, но это единственная, видимо, для тов. Вохминцева возможность рапортовать о выполнении плана по валовой и товарной продукции.

«Самое постыдное заключается в том,— пишет тов. Верстовский, — что такая антигосударственная практика не считается на заводе предосудительной...»

А считают ли ее предосудительной в Министерстве станкостроения? Или там вообще не знают, что такая практика существует (и, может быть, не только на Миасском заводе)?

Когда же, в самом деле, мелочь перестанет быть проблемой?

Письма читателей

ДАЙТЕ СПРАВОЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

У нас издается много технической литературы, но большинство книг посвящено узко специальным вопросам. Эти книги большей частью и заполняют витрины и полки книжных магазинов. Попробуйте, однако, достать столь нужную для огромной армии наших инженерно-технических работников справочную техническую литературу и, в частности, справочники для энергетиков. Их нет совсем на книжном рынке.

А ведь нужда в такого рода литературе очень велика. Почему сейчас в нашей стране, обогащенной новым опытом передовой техники, не издают справочников, подобных тем, что издавались ранее? Ведь были пятитомная «Справочная книга для электротехников» («СЭТ»), девятитомный «Технический справочник транспортника» («ТСТ»), двухтомная «Инженерная справочная книга» Астафьева, «Справочная книга электромонтера» («Электром») и многие другие. Теперь эти книги стали библиографической редкостью, их можно купить только по баснословной цене у букинистов. Да и польза от них сейчас невелика — уж очень они устарели. А взамен их ничего не издается.

Но что говорить о «солидных» справочниках, когда даже карманного «Справочника — записной книжки для инженера» наши издательства не удосужились выпустить!

Что мешает Гостехиздату, Энергоиздату и другим ведомственным издательствам заполнить этот пробел?

Нам не надо справочников Дуббелля, Фауля, Хютте и других «иностранцев». Наша отечественная наука и техника шагнули далеко вперед. На их базе развивается наша промышленность. Так дайте же скорее, товарищи издатели, работникам этой промышленности удобные, содержательные многотиражные справочники, отражающие сегодняшний день нашей техники! Дайте карманные справочники, содержащие необходимый минимум формул, справок и расчетных таблиц. Сотни тысяч инженерно-технических работников скажут вам за это спасибо!

Инженер-энергетик Д. СКРЫПНИК

В ЗАЩИТУ ЧЕРТЕЖА

Миллионы людей нашей страны связаны с техникой. Она вошла во все области народного хозяйства и в городе, и в деревне. Умение читать чертежи — элементарное требование технической грамотности.

Между тем, Гостехиздат не издает ни учебников по техническому чертежу, ни методических разработок, ни руководств.

Не лучше обстоит дело и с чертежными принадлежностями, которые должен изготовлять Главмервеспром. Готовальни достать трудно: они дороги и низкого качества. Рейсшины и чертежные доски — еще более дефицитный товар, редкостью стала мягкая резинка для карандаша. Циркульные наставки на карандаши, так называемые «козьи ножки», настолько плохо сделаны, что изготовление их следует признать бесполезной тратой денег и времени.

Все это крайне тревожит нас, преподавателей черчения, готовящих кадры для социалистического строительства. Миллионы учащихся ремесленных училищ, средних школ, техникумов и вузов должны получить необходимые условия для обучения графической грамоте.

Преподаватель черчения 31 Р.У. техник ИВАНОВСКИЙ.

От редакции: Совет Министров РСФСР 3 апреля 1948 года принял постановление, обязывающее Министерство местной промышленности и Управление промкооперации увеличить производство школьно-письменных и чертежных принадлежностей.

Интересно знать, какие меры предпринимают названные учреждения, а также Главмервеспром, в ведении которого находится завод готовален, и Гостехиздат для полного обеспечения учащейся молодежи хорошими чертежными принадлежностями и необходимой технической литературой!

Мы говорим о чуткости

Михаил М. потерял на фронте обе ноги. Советское государство позаботилось о нем. Он получил новую профессию, стал часовых дел мастером.

Но два раза в год Михаилу М. аккуратно напоминают о его увечии. Райсобес Железнодорожного района гор. Москвы, в котором состоит на учете Михаил М., систематически вызывает его на медицинское переосвидетельствование.

Зачем? На этот недоуменный вопрос отвечает инструкция, подписанная министром социального обеспечения РСФСР тов. А. Н. Суховым. 28-я статья, параграф IV, этой инструкции гласит:

«В случае неявки инвалида войны в установленный срок на переосвидетельствование во врачебно-трудовую экспертную комиссию (ВТЭК), выплата пенсии приостанавливается...»

Итак, дабы не потерять пенсии, инвалид, потерявший руку или ногу, обязан каждые шесть месяцев итти во ВТЭК, нести справку в Райсобес, терять время, снова и снова вести бесконечные разговоры...

Начальник ВТЭК Железнодорожного района тов. Старцева согласна с тем, что этот порядок нелеп. И, тем не менее, в подведомственном ей учреждении выписана очередная справка № 12182 Виктору Ю., в которой, вопреки здравому смыслу, указано: «Назначен срок переосвидетельствования 14 июля 1948 года».

А Виктор Ю. с тех пор, как в 1945 году у него по бедро была ампутирована нога, прошел уже пять комиссий. Врачебное заключение было, разумеется, всегда одно: ноги нет. И все-таки 14 июля он должен будет вновь «доказать» свою инвалидность, пройти сложные клинические исследования.

Почему же нельзя карточки инвалидов, категория инвалидности которых неизменна, переложить в особый ящик и не тревожить людей только для того, чтобы сделать очередную бюрократическую пометку в личном деле?

Кажется, просто. Ан нет, не могут до этого додуматься в Министерстве социального обеспечения РСФСР.

А. НАТОЛЬСКИЙ

П. ЗАМОЙСКИЙ

Под новой кровлей

Давнее воспоминание оживает во мне в подробностях, воскрешая картину деревенского бедствия.

...Тревожно забарабанили в окно и кто-то, пробегая, закричал:

— Гори-им!

Мы с хозяином, у которого я ночевал, выбежали на улицу. Горела средняя, самая большая изба. Сквозь столб желтого, густого дыма, прорезая его, показался огненный нож. Словно разведав, он скрылся, а через некоторое время выметнулось пламя и уже, лохмато-грязное, взвилось и загудело.

И как всегда во время пожара в деревнях, поднялся ветер. Космы дыма и огня начали клониться то в одну, то в другую сторону. Скоро рядом взвилась еще струйка дыма, принялась расти, и вот уже и здесь появился разведчик огня. Вымахнуло пламя. А ветер, словно опьянев, усилился, бешено качнулся в другую сторону, бросился на соседние дома. Полетели огненные «галки», и на глазах у всех задымились соломенные крыши.

И как же не вспомнить все это, когда держишь в руках легкую, немного шершавую, огнеупорную плитку пластмассы из... ржаной соломы, из той самой соломы, которая так легко воспламенялась.

Над получением пластмассы из соломы с 1941 года работает маленькая лаборатория. Для пищевой промышленности требуется много тары. Она изготовляется из леса, фанеры, картона, стекла, металла. Нельзя ли найти более дешевый материал? Нет ли такого сырья?

Оказалось, есть! И запасы его в стране просто неисчерпаемы: многими десятками миллионов тонн производит его ежегодно наша земля. Это — озимая солома, хлопковые отходы, камыш, осока, картофельная ботва, стебли кукурузы, льняная и конопляная костра, подсолнечная и просяная шелуха, мох, верхний слой торфа, сорные травы и т. д. При несложной обработке, на простой аппаратуре из этого сырья получается простой и дешевый строительный материал — им можно обшивать стены зданий снаружи и внутри, утеплять полы и потолки и, что самое важное, использовать его для кровли. Называется этот удивительный материал — бемит (по начальным буквам фамилий изобретателей: М. Бимбад, А. Езерского и В. Малеева).

***

По широким полям мы мчимся на машине в совхоз смотреть одну из первых бемитовых установок.

Нас встречает пожилой человек с загорелым, приветливым лицом. Это директор совхоза.

Мастерская рядом с водяной мельницей. В сторонке — солома.

— Это и есть наше сырье, — говорит директор.

Мы вошли в мастерскую. Внимательно принялся я изучать простое, как выпечка хлеба, производство.

Из котла, вмазанного в низкую печь, рабочие черпали разварившуюся соломенную сечку и несли ее к дробилке. В дробилку лилась из бака вода, рабочий вилами подбрасывал сваренную сечку. Сечка, разбитая в массу, стекала из-под дробилки сквозь решетчатое дно в большой чан, в середине которого вращались лопасти мешалки.

В небольшом котле варилось смолистое вещество — пек, а рядом, в колоде, была подготовлена глина. Ее тщательно смешивали с кипящим пеком. Эта смесь даст соломенной массе крепость и водонепроницаемость.

Вынутые из-под пресса отжатые плитки клали на волнообразную поверхность стола и формовали их деревянной скалкой.

Толщина плиток около сантиметра.

Сушат плиты летом на солнце, а в ненастные дни — в особо устроенной сушилке, зимой — на морозе.

— Оборудование может изготовить любая мастерская МТС,—рассказывал директор. — Вы знаете, сколько у меня заказов на кровельные плиты? Хватило бы работы на пять таких мастерских. Скоро будем выпускать плитки для отепления стен.

***

Уже создано немало мастерских и цехов, практически осуществляющих замечательное изобретение инженеров.

В Москве, при заводе «Клейтук», более трех лет работает цех, изготовляющий бемит из бумажных отходов. Он выпустил свыше полумиллиона квадратных метров кровельных плиток. В Карловке, Полтавской области, выстроен завод по производству бемита из соломы. Мощность завода — 120 тысяч квадратных метров плит в год. Приступают к строительству бемитовых цехов в Воронеже, Краснодаре, Вязьме, Ташкенте.

В Кексгольме и Кондопоге, где отходы бумажного производства, сбрасываемые в озеро, губили рыбу, скоро будут пущены бемитовые цехи. В далеких северных районах строит бемитовые мастерские Главное управление Севморпути. Намечены постройки даже на острове Диксон, в бухте Провидения, Тикси, где сырьем будет служить мох.

И только организации, которые должны были бы двинуть это важное изобретение на село, где и нужда в строительных материалах велика и запасы сырья огромны, — только эти организации бездействуют.

Между тем в степных районах страны ежегодно пропадают миллионы пудов соломы.

Кто бывал в Сальских степях, тот видел, конечно, как в ночном небе вспыхнет вдруг огромное зарево.

— Не пугайтесь, — с горечью скажет вам здешний житель. — Это наше «южное сияние». Сжигаются старые скирды соломы.

Этому «южному сиянию» придется погаснуть. Солома — она составляет почти $^2/_3$ урожая по весу — должна найти, наконец, полезное применение.

Десятки тысяч соломорезок, жмыходробилок, шаровых мельниц и кормозапарников, которыми оснащены и оснащаются кухни колхозных ферм, должны получить новую нагрузку. На этом оборудовании солома, камыш, костра вполне могут быть превращены в бемит. Так успехи механизации исподволь подготовили возможность создания в колхозах новой хозяйственной отрасли: производства строительного материала из бросового растительного сырья. Здесь стоит сказать, что в 1950 году в стране будет получено не менее 25 миллионов тонн соломы. Если только 1 процент ее использовать для изготовления бемита, можно получить 100 миллионов квадратных метров плиток. Миллионы домов можно покрыть ими!

Для этого нужно лишь, чтобы кто-либо всерьез занялся организацией дела. Нужна широкая пропаганда достоинств и способов производства бемита. Нужны показательные стройки, где бы каждый колхозник увидел, какими отличными свойствами обладает новый строительный материал. Нужны листовки и плакаты, брошюры и техфильмы, которые рассказали бы миллионам людей о том, как с помощью простейших механизмов, имеющихся в каждом колхозе, наладить переработку соломы в бемит.

Почему этого нет до сих пор? Почему стоят в стороне от большого и нужного дела Главсельстрой при Совете Министров РСФСР, почему Сельхозстройпроект Министерства сельского хозяйства не нацеливает колхозных строителей на использование нового материала? Почему не делает того же Комитет по делам архитектуры, который тоже проектирует жилое строительство на селе?

Сейчас изобретатели бемита работают над новым составом, который сделает плитки абсолютно огнеупорными.

Ветер не снесет эти плитки, дождь не промочит их и не легко возьмет огонь. Радостной и культурной деталью войдут они в пейзаж преображающейся на наших глазах колхозной деревни.

ДОЛОЙ НЕВЕЖЕСТВО!

125-летие со дня рождения А. Н. Островского отметила и газета «Советское искусство». Сделала она это так, что читатели ее пришли в крайнее изумление.

10 апреля газета опубликовала портрет великого драматурга, на котором он изображен уже старым человеком с окладистой седой бородой. «Советское искусство» уверяет, что портрет написан артистом Малого театра М. П. Садовским в 1851 году.

В письме в «Литературную газету» А. Лазаревич, М. Юровская и А. Файбусович выражают свое недоумение:

«Правда ли, — пишут они, — что А. Н. Островский выглядел стариком в 1851 году, когда ему было всего 28 лет?»

Отвечаем: неправда. Газета «Советское искусство» напутала. Более того: М. П. Садовский не мог написать этот портрет в 1851 году, так как в это время ему было... всего 4 года.

Портрет, опубликованный в № 15 «Советского искусства», относится не к 1851 году, как уверяет редакция, а к последним годам жизни драматурга. Он написан М. П. Садовским по фотографии, снятой в 80-х годах.

***

Газета «Советское искусство», перепутавшая даты, не оказалась одинокой в искажении биографии А. Н. Островского.

В № 15 журнала «Огонек» на странице 4-й изображен дом, о котором сказано, что это — «Дом в Голиковском переулке в Москве, где родился А. Н. Островский». Во всей этой подписи отвечает действительности лишь первое слово — «дом». Но только находится он не в Москве, а в Щелыкове. И Островский в нем не родился, а умер.

В том же номере на странице 7-й изображена аллея, названная «Любимой рощей Островского близ Щелыкова». Опять неправда! Это не роща, а парк щелыковской усадьбы, непосредственно примыкающий к дому, который «Огонек» попытался перенести в Голиковский переулок.

Исторические изыскания «Огонька» по поводу биографии Островского этим не ограничились. Не обошел он и творчество драматурга, проявив и на этот раз гораздо больше бойкости, чем осведомленности.

Под заголовком «75 лет назад» журнал сообщает, что первое представление «Снегурочки» состоялось весной 1873 года в бенефис В. И. Живокини, который-де исполнял в этом спектакле роль боярина Бермяты.

Это — очередная ошибка. Василию Игнатьевичу Живокини в 1873 году было 66 лет, и к этому времени он уже оставил сцену. «Снегурочка» же впервые была поставлена в бенефис сына Василия Игнатьевича — Дмитрия Васильевича Живокини. Он-то (а не его отец) и исполнял роль боярина Бермяты.

Коснулся «Огонек» и постановок Малого театра. В сцене из комедии «Бешеные деньги», изображенной на странице 9-й, почти все обозначено правильно. Исключая лишь то, что Телятев, которого играл артист М. Климов, назван Васильковым, а Васильков, роль которого исполнял артист Н. Яковлев, — Телятевым.

По сравнению с этими «открытиями» совершенно бледнеют такие «мелочи», как то, что артистка Багорская в журнале названа Багарской, а Барабошевы из комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» — Барабашевыми.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«КОГДА ЖЕ МЫ ПОЛУЧИМ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫЕ КЛИШЕ?»

Под таким заголовком 20 марта 1948 года «Литературная газета» опубликовала письмо ответственного секретаря районной газеты «Кзыл-юл» Татарской АССР тов. Р. Тухватуллина.

Заведующий Пресс-клише ТАСС тов. Д. Мелешкин сообщил редакции:

«В феврале этого года бригада инженеров-химиков закончила исследовательскую работу по изысканию более стойкого материала, дающего высококачественную матрицу. В марте Пресс-клише начало выпускать клише с новой матрицы, посредством которой получается более четкое изображение.

До сих пор мы делали клише без фацетов, с бумажной прокладкой. От бумаги пластмасса коробилась, и клише имели неприглядный вид. В настоящее время этот недостаток устранен. Новая матрица дала возможность изготовлять клише с фацетом и без бумажной прокладки».

Белинский в борьбе с космополитизмом

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Далеко не все современники Белинского до конца поняли глубокий смысл его статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и других работ, где великий критик со всей резкостью и последовательностью обрушился на космополитические, антинародные тенденции в западническом лагере.

Блестящая полемическая атака неистового Виссариона была вызвана острой политической необходимостью. Именно к тому времени ясно обнаружилось, что под флагом борьбы со славянофильством в кругу «западников» пропагандируются идеи и взгляды, решительно враждебные демократизму, оскорбляющие чувство национальной гордости, присущее народу.

Белинский и Герцен, стоявшие на демократических и социалистических позициях и боровшиеся за то, чтобы Россия стала передовой страной мира, отрицательно относились к таким либеральным западникам, как Корш и Боткин, преклонявшимся перед западноевропейским буржуазным порядком и его культурой. Герцен называл их «идолопоклонниками» буржуазной Европы. Белинский критиковал и космополитические взгляды Валерьяна Майкова. Эти западники недооценивали самостоятельность, богатство и своеобразие русской культуры и мысли. Эти, по выражению Белинского, «пустоголовые европейцы», «сторонники фантастического космополитизма», послушные и робкие ученики каждой последней прочитанной ими западноевропейской книги, в сущности, были представителями русского барства, раболепствовавшего перед иностранщиной. В России они стремились лишь несколько ограничить самодержавие и установить буржуазный порядок, а впоследствии открыто стали лакеями царизма. Они не чувствовали биения пульса русской жизни. Русский народ, русское крестьянство они презирали. В творческие силы народных масс они не верили.

В одном из своих писем 1847 года Белинский говорит: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формой любви, но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, — не верю я их интересам».

Под «восторженными патриотами» великий критик разумеет здесь славянофилов с их громкими, но лживыми и пустыми патриотическими фразами и восклицаниями. Сам же Белинский был именно «ожесточенным скептиком», т. е. революционным демократом и патриотом. Ненависть Белинского к самодержавно-крепостническому порядку проистекала из его пламенной любви к русскому народу, к будущей свободной России.

Вместе с тем Белинский был настоящим интернационалистом. Он глубоко и страстно переживал судьбы народа Франции — страны, которая играла тогда роль мирового центра революционного движения. Как подлинный патриот, Белинский беспощадно разоблачал отсталость царской крепостнической России по сравнению с Западной Европой и боролся против этой отсталости. Но вместе с тем он был решительным противником некритического отношения к Западу. Он не хотел установления в России господства буржуазии по западноевропейскому образцу, а стремился к коренной революционно-демократической переделке русской жизни.

Поэтому так резко обрушивался Белинский на «спокойных скептиков», на русских космополитов, — тех, что насмешливо и с холодной иронией, без всякой горечи, болтали об отсталости России и восхищались западноевропейским буржуазным порядком и его культурой. Это были бесхарактерные, бесстрастные, терпимые ко всякой подлости господствующих и эксплоатирующих классов люди. Судьба французского пролетария была им так же безразлична, как судьба русского крестьянина. Позднее они проповедывали покорность перед Кавеньяками и Тьерами.

«На свете много людей, известных под именем «пустых»,—писал Белинский, — они умны чужим умом, ни о чем не имеют своего мнения, а между тем и учатся и следят за всем на свете. Пустота их в том и состоит, что они заимствуют целиком, и их мозг не переваривает чужой мысли, а передает ее через язык, в том же самом виде, в каком принял ее. Это люди безличные, потому что чем человек личнее, тем способнее обращать чужое в свое, то-есть налагать на него отпечаток своей личности».

Выступая против безличных, пустых космополитов, далеких от русской народной жизни, Белинский-критик заявлял: «У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения».

Он учил «мыслить самостоятельно, по-русски».

Прогресс нации великий демократ рассматривал, как рост народных масс, овладевающих культурой, передовой мыслью. По словам Белинского, «... прогресс... совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их самодеятельностью собственной национальности, в собственную ее сущность, — тогда он гибнет политически».

Белинский решительно возражал против противопоставления «национального» — «человеческому». «Человеческое» он рассматривал как высшее развитие национального, народного. Именно только полное развитие национальности, только духовный, идейный рост народных масс способен, по убеждению Белинского, придать той или иной нации прогрессивное всемирно-историческое интернациональное значение. Критик писал, что «чем многостороннее, всеоб'емлющее, глубже, общее содержание народной жизни, чем больше в ней истинного, разумного, действительного, — тем человечественнее такой народ, тем он более бывает представителем человечества».

В развитии всех сильных сторон национального характера русского человека, свойственных ему «здравого смысла, ясности и положительности в уме», «инстинкта истины», «широты и силы», «бодрости, смелости, находчивости, сметливости, переимчивости», Белинский и видел путь к тому, чтобы русский народ выразил «в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание». Белинский боролся за то, чтобы Россия стала «идеалом человечества», и он надеялся, что Россия одна из первых стран мира станет социалистической.

Говоря о роли русского поэта, Белинский спрашивал: «Если он поэт, поэт истинный, то не должен ли сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями?» А холодного писателя-космополита, лишенного крепкой связи со своим народом, оригинальности, самобытности, страсти, Белинский сопоставлял с человеком, который говорит о себе, что он «сгорает любовью к человечеству, но что, несмотря на то, он никого в жизни своей не любил в особенности, что никогда не было у него ни друга, ни приятеля, ни брата, ни сестры...» Такой писатель «всегда готов писать о чем угодно и что хотите, но обыкновенно пишет всегда под чьим-нибудь влиянием». Анализируя же произведения великих русских писателей, критик решительно отметал попытки космополитов об'яснить русское литературное развитие западноевропейскими влияниями.

Борьба, которую Белинский вел с космополитизмом, получила дальнейшее развитие в русской революционно-демократической литературе. Напомним только выступление Герцена против «немецких русских», щедринскую сатирическую характеристику «желудочно-полового космополита», как типа русских бар за границей, изображение в романе Помяловского «Брат и сестра» космополитического, обезличивающего воспитания Андрюши Чебанова, напомним, как разоблачал Добролюбов «ранний космополитизм» того «образованного общества», которое «разорвало связь с народом и потеряло способности даже понимать основные черты его характера».

Эти традиции имеют большое принципиальное значение и для развития советской литературы и искусства. Тов. А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) говорил: «Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами... Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всем, не будучи подлинным патриотом своей Родины».

Читая гениальные, неумирающие статьи Белинского, мы видим, что он не только был нашим прямым предшественником, но до сих пор остается живым участником нашей борьбы с раболепием перед иностранщиной, с «безродными космополитами» и «беспачпортными бродягами в человечестве».

Мих. МАТУСОВСКИЙ

БОЛЬШАЯ МЕРА

Поэзия в областных журналах и альманахах

В живой и нерасторжимой связи со временем, с историей заключается сила и слава советской поэзии.

Особенности и задачи всей нашей поэзии в целом должны ясно вырисовываться перед читателем и по тем стихам, которые печатаются в областных альманахах.

Вокруг альманаха «Сибирские огни» и журнала «Дальний Восток» собралась группа интересных и разнообразных поэтов. Они воспевают в своих стихах величие, богатство и строгую красоту своего родного края, его сильных и отважных людей, прославившихся на войне и в труде — геологов и строителей, охотников и лесорубов, исследователей и новоселов, людей трудного ремесла и нелегкой жизни. Каждый поэт делает это по-своему, внося в большую тему советского Севера и Дальнего Востока свой житейский опыт, свои наблюдения и впечатления, свою биографию и поэтический темперамент. Если А. Ольхон, например, наиболее близок к фольклору, к былине и песне, то К. Лисовскому дороги образы исторических героев — Хабарова, Дежнева и др. Если талантливый поэт П. Комаров наиболее силен в лирических миниатюрах-зарисовках, составляющих в целом своеобразный дневник поэта, то молодой поэт С. Телькалов пытается нарисовать галлерею портретов своих земляков. Однако все эти стихи бьют в одну точку, об'единенные большой и единой идеей.

Но и в своей областной сибирской теме поэты должны быть разностороннее и многограннее. Читателя утомляет однообразие в изображении людей Севера и северной природы. Очень часто в этих стихах живой человек с биографией, с именем, с характером подменяется названием романтической профессии и беглыми анкетными сведениями о герое. Иногда областные поэты совершенно теряются среди вековых сосен, непролазных чащоб, таежных троп, кедрачей. Читателю порою становится скучно от однообразия мертвенных, неодушевленных, не согретых присутствием человека пейзажей.

Молодой поэт А. Ивенский опубликовал цикл стихов о советских золотоискателях. Я заинтересовался названием этого цикла. Ведь очень же интересно узнать, как живут сегодня советские золотоискатели, каков их быт и условия труда, чем они отличаются от золотоискателей старой царской России и от авантюристов Джека Лондона. Я внимательно прочел весь цикл, в этом цикле есть все — «кремнистые пороги», «голубые реки», «хмурые сопки», «глухие берега», и нет ни одного слова о людях, ни единой живой души. Почему мы требуем от рассказа, от очерка обязательного присутствия в них жизненного, познавательного материала и почему разрешается поэтам бездумное чириканье?

То, что чириканье посвящено актуальной теме, никаким оправданием служить не может.

Если в целом работу поэтических отделов «Сибирских огней» и «Дальнего Востока» можно оценить положительно, то нельзя сказать того же самого о многих других областных альманахах. Убогой и бедной, ограниченной и неинтересной выглядела бы наша жизнь, если бы пришлось судить о ней только по стихам областных поэтов, печатающихся в альманахе Красноярского края «Енисей», в молотовском альманахе «Прикамье» или в альманахе «Томск». Много здесь можно встретить стихов, лишенных каких бы то ни было проблесков мысли или чувства. Таковы стихи Г. Каратаева, опубликованные в «Енисее», или И. Степанова «Холодный ключ» — в «Советском Приморье», или С. Зяблицкой, которая напечатала в альманахе «Томск» абсолютно школьное стихотворение о тучках, в подзаголовке которого так-таки черным по белому и сказано: «Картинка». Вот таких «картинок» немало можно увидеть в различных альманахах.

А ветер, ластя
Лицо любимой,
Шептал о счастье,
Что пронесли мы
В буйстве страсти
Неутомимой
На вешнем насте
Родной земли.

(Д. Лившиц. «На Запад», альманах «Томск»).

В одном из стихотворений тот же автор описывает дорогу, идущую к фронту, и почему-то говорит о ней:

Эти дороги, должно быть, меряны
Мерным шагом сивого мерина.

Очень часто в стихах, посвященных трудовым подвигам советских людей, поэтическое изображение отношения мастера к своему труду и творчеству подменяется сухим, схематичным описанием того или иного производственного процесса, перечислением технических терминов и деталей. Так составляется техническая смета, а не пишутся стихи!

О поэзии, воспевающей труд и мастерство, уместно поговорить на примере альманаха «Литературный Донбасс», издаваемого донецкой организацией Союза советских писателей. Мне совсем недавно снова пришлось побывать в Донбассе. Насколько все-таки жизнь донецкой земли содержательнее и полнее, чем то, что рисуют молодые поэты Донбасса. С каждым днем возрождается и восстанавливается этот край — родина краснодонских молодогвардейцев, земля непокоренных.

Почему же донецкие поэты, за отдельными исключениями, ограничиваются повторением старых и привычных мотивов шахтерской поэзии и довольствуются рифмой «копра — на-гора»? Почему они не учатся у своих земляков—донецких шахтеров—всегда искать новое и не останавливаться на достигнутом? Сейчас в Донбассе появилась целая группа молодых поэтов. Среди них — Б. Радевич, В. Горянинов, В. Труханов. Однако руководство донецкой организации не работает с ними, предпочитая без особого отбора печатать все то, что они пишут. В результате люди не могут толком разобраться, что у них хорошо, что плохо.

Е. Кузнецов пишет о Донбассе стихи расплывчатые и общие. Если убрать из них кое-какие названия южных населенных пунктов, то можно смело адресовать эти стихи и Кузбассу, и Уралу, и Московскому угольному бассейну. Я говорю об этом так резко и пристрастно потому, что ведь печатает «Литературный Донбасс» неплохие стихи П. Беспощадного, украинского поэта М. Упеника, М. Фролова.

Прочитав стихи в ростовском альманахе «Дон», я взял подшивку газеты «Молот» за то же время, в какое писались и публиковались стихи, и начал листать газету. Разнообразнейшие события происходили в эти дни в Ростове, Шахтах, Батайске и других городах и станицах. Шла зима сорок седьмого года: Ростовская область готовилась выбирать своих представителей в правительство Российской Федерации; колхозники области, не досыпая ночей, отстроили и восстановили более двадцати трех тысяч домов; Ростовский механический завод пустил в ход первую в области станцию высокой частоты для закалки инструментов и деталей машин. Ожил, разбуженный пронзительными голосами паровозов, Батайский железнодорожный узел, на который немцы сбросили сорок четыре тысячи тонн фугасных бомб. Снова с зажженными лампочками в руках спустились в шахту № 15/10 молодые забойщики. Водолаз Костюк, работая на дне Азовского моря, обнаружил увязший в тине немецкий реактивный снаряд большой разрушительной силы. Рискуя жизнью, советский водолаз доставил его на берег. Начинается весна. В речные порты прибывают первые караваны судов. Легкие и подвижные самолеты «У-2» впервые на Дону производят удобрение весенних полей с воздуха. Хирург Николаева летит на санитарном самолете в станицу Пролетарскую, чтобы оказать срочную помощь колхознице Закопалиной. В одном из цехов Ростсельмаша открылся филиал научной библиотеки с большим выбором технической литературы. Так, страница за страницей, листаем мы номера газеты «Молот»; кипучая и богатая жизнь одной из многих советских областей захватывает нас, и, честное слово, да не обидятся на меня ростовские поэты, короткие газетные сообщения оказываются куда интереснее, чем многие стихи в их альманахе.

О чем в это же самое время писали поэты-ростовчане? Поэт А. Рогачев рассказал сентиментальную историю о том, как он купил на птичьем базаре птичку в клетке и тут же, на глазах удивленных мальчишек, выпустил ее на волю.

Поэт А. Фарбер предается воспоминаниям детства, он припоминает «младенческие годы «каравая», когда, дичась снотворной тишины, играл я, о колючки разрывая, залатанные матерью штаны». Г. Хорошунов создает очередное лирическое стихотворение об очередном дожде.

Многие альманахи продолжают печатать безидейные, альбомные, аполитичные стишки, обнаружить которые было бы более естественно в приложении к журналу «Нива», чем на страницах советского альманаха.

Г. Милова, например, в костромском альманахе печатает стихотворение «Подснежник»:

Мой милый мальчик,
Среди зимы
Мне показалось,
Что это мы,
Что наша пуща,
Как сон, тиха,
Что ты — подснежник,
А я — ольха.

Не обошелся без лирического щебетания в альманахе «Алтай» и способный молодой поэт М. Юдалевич, завершающий свое стихотворение о загранице следующими романсными строчками:

И песня без конца завянет,
И болью защемит в груди,
Чего-то и куда-то тянет,
Осталось что-то позади.

«Чего-то и куда-то тянет» многих молодых поэтов.

В ряде журналов, альманахов и поэтических сборников до сих пор продолжают печататься военные стихи, в большинстве своем перепевающие и повторяющие мотивы нашей фронтовой поэзии. Многократно повторяются стихи о котелках, кисете, шинели и о прочих интендантских предметах.

Писать о войне сегодня нужно уже поиному, глубже осмысливая и обобщая все явления и события. И смотреть нужно на весь путь наш с высоты победы, с высоты трех послевоенных трудовых лет, прошедших в нашей стране. В этом — секрет удачи книг Э. Казакевича, А. Гончара, М. Бубеннова.

Поэтические отделы наших альманахов должны обрести свое лицо, они должны систематически руководить творческой работой поэтов. А сделать это можно только тогда, когда они будут хорошо знать и чувствовать насущные заботы своей области, жизнь всей страны.

Нам дано жить в те годы, когда свершается, воплощается в жизнь, становится явью многолетняя, всепобеждающая мечта человечества о коммунизме. С нас, современников, поэтому многое и спрашивается.

Мы живем и мечтаем, работаем и пишем, твердо уверенные, что советская поэзия, а значит, в том числе и областная поэзия, справится с задачами, поставленными перед ней самой жизнью.

Из последней почты

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ...

В Киеве вышел очередной номер украинского журнала «Блокнот агітатора» № 6 (84), издаваемый Управлением пропаганды и агитации ЦК КП(б)У. В отличие от предыдущих номеров, в очередном «блокноте» редакция ввела полезный раздел «Книжная полка агитатора». Но... первый блин вышел комом. Редакция сообщает агитаторам, что популярная повесть лауреата Сталинской премии В. Пановой «Спутники» — это «роман о советских людях — борцах за выполнение сталинской пятилетки на производстве».

На книжной полке большинства агитаторов есть повесть В. Пановой, есть ли она у редколлегии «Блокнота агітатора»?

Придется ответить, тов. Чагин!

В № 12 «Литературной газеты» от 11 февраля было напечатано письмо писателей Н. Вирты, В. Инбер, Л. Никулина, П. Замойского и Т. Семушкина, в котором говорилось о систематических нарушениях директором издательства «Московский рабочий» тов. Чагиным постановления Совета Министров СССР, обязывающего печатать в типографии «Московского рабочего» 2 миллиона листов-оттисков в месяц для издательства «Советский писатель».

На вопрос сотрудника «Литературной газеты», когда же собирается ответить тов. Чагин, он со своей стороны задал вопрос:

— А стоит ли отвечать?

Может быть, не находя в себе достаточно мужества, чтобы признать критику справедливой, тов. Чагин решил ответить не письмом, а делом?

Однако это предположение опровергается письмом директора издательства «Советский писатель» тов. Ярцева. «В первом квартале текущего года типография отпечатала 1.200 тыс. оттисков вместо 6 миллионов по правительственному заданию. Заново типография набрала лишь 15 листов вместо 210. «Московский рабочий» всячески уклоняется от заключения договора на 1948 год с издательством «Советский писатель».

Значит, ни письмом в газету, ни делом тов. Чагин не хочет отозваться на резкую и справедливую критику.

Кто же дал право тов. Чагину игнорировать постановление правительства и относиться пренебрежительно к советским читателям, к писательской общественности?

Александр ЖАРОВ

Песня—наше оружие

Большой разговор о советской песне назрел давно. Мы ждали, что его начнут критики, литературоведы, музыковеды. Ждали и не дождались. Это происходит только потому, что до сих пор жанр песни недооценивается как в музыке, так и в поэзии. Мы часто слушаем доклады и читаем статьи о проблемах поэзии. И, как правило, песня замалчивается. Как будто за тридцать лет своего развития советская песня не достигла определенных результатов, как будто в этой области поэзии нет своих насущных жизненных задач.

Где истоки подобного пренебрежения критиков и литературоведов жанром песни?

Нам кажется, что оно является следствием не изжитых до конца тенденций «чистого искусства». Эстеты и декаденты сознательно ограничивали мир своего искусства, игнорируя запросы и интересы народных масс. Они презрительно зачеркивали и песню, которая всегда была связана с жизнью, с общественными и моральными стремлениями народа.

Отрицалась песня — первоисточник поэзии, забывалось особое родство музыки и поэзии, в особенности поэзии лирической, хотя в последней, выражаясь словами В. Г. Белинского, — «почти уничтожаются границы, разделяющие поэзию от музыки».

Творцами русской песни были Пушкин, Лермонтов, Рылеев, Баратынский, Дельвиг, Языков, Некрасов, Никитин, Кольцов. Многие их стихотворения стали еще более популярными, будучи положены на музыку. Дело не только в мелодичности, в музыкальности этих стихотворений, — дело в их идейном содержании, в близости к тем или иным народным переживаниям — горестям, радостям, надеждам.

Об огромном значении песни говорил в свое время и Владимир Маяковский:

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

В другом, более позднем стихотворении он снова поставил рядом, как два вида идейного оружия, песню и стих:

И песня,
и стих — это бомба и знамя.
И голос певца
подымает класс.

Ближайшими предшественниками советской песни явились песни революционного подполья. Незадолго до революции 1905 года народ начал петь «Варшавянку», «Беснуйтесь, тираны!» (слова этих песен принадлежат старому большевику Г. Кржижановскому), «Смело, товарищи, в ногу» (текст Л. Радина). «Смело, друзья, не теряйте...» (текст М. Михайлова), бессмертный «Интернационал» (русский текст А. Коца). Авторы этих песен не были поэтами-профессионалами, так же как создатели «Дубинушки», «Варяга», «Раскинулось море широко». Но именно они явились предвестниками и зачинателями социалистической песенной поэзии. Под влиянием песен революционного подполья возникли «Мы кузнецы» Ф. Шкулева, «Дерзости слава» Е. Тарасова, «Комаринская» Демьяна Бедного и другие песни рабочих-поэтов, созданные до революции.

Голос народа широко и свободно зазвучал после великого Октября. Появились песни в честь воинской доблести советской страны, в честь ее вооруженных защитников, громивших черные силы контрреволюции и интервентов: «Марш Буденного» композиторов Покрасс на слова Д'Актиля, песня «Красная Армия всех сильней» Дм. Покрасс на слова Н. Горина, «Песня Коммуны» А. Митюшина на слова Князева и др. Эти песни положили начало одной из главных традиций нашего песенного творчества—традиции выражения патриотического духа советского народа, его готовности к защите социалистической Родины. Этот идейный мотив живет в песнях всех периодов нашей жизни, — и в песнях героических и в песнях лирических.

Шли годы, всенародную любовь и признание завоевали «Как родная мать меня провожала» Демьяна Бедного, «Молодая гвардия» А. Безыменского. Поэтам в ту пору нередко приходилось писать песни без композиторов, используя старую революционную или народную музыку. Так делали Д. Бедный и А. Безыменский, так делал и автор этих строк, когда марш пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи» пришлось писать на классический оперный мотив.

Вскоре, однако, и композиторы стали заявлять о себе. В канун первой пятилетки родилось несколько звучных песен композитора А. Давиденко (лучшая из них—«Конница Буденного» на слова Н. Асеева). По всему Союзу прокатилась оборонная песня «Полюшко-поле» Л. Книппера на слова В. Гусева и, наконец, торжественно прозвучала «Широка страна моя родная» И. Дунаевского на слова В. Лебедева-Кумача, прославлявшая новый быт, труд и отдых нашего народа, радость новой жизни.

Страна росла и крепла, все шире и звонче разливалась советская песня. Талантливое содружество поэта М. Исаковского и композитора В. Захарова открыло новую страницу в истории советской песни. Появились также «Партизан Железняк» М. Блантера на слова М. Голодного, «Каховка» И. Дунаевского и М. Светлова, «В путь дорожку дальнюю» М. Блантера и С. Острового, «То не тучи, грозовые облака» братьев Покрасс на слова А. Суркова, «Орленок» В. Белого и Я. Шведова, «Тачанка» К. Листова и М. Рудермана, «В бой за Родину» З. Компанейца и Л. Ошанина, «Как у дуба старого» С. Каца на слова А. Софронова. Замечательно обработал музыку Атурова к песне «По долинам и по взгорьям» (слова С. Алымова) А. В. Александров.

Советская песня стала активным участником жизни, одним из орудий воспитания широких народных масс. Накануне Великой Отечественной войны многие наши песни оказались на вооружении народа, в его идейном арсенале:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

—утверждал Лебедев-Кумач вместе с братьями Покрасс.

Далеко не все предвоенные песни были безупречны, и с сожалением приходится констатировать, что в своем профессиональном кругу мы никогда об этом не говорили во весь голос.

Новый под'ем испытала советская песня в годы Великой Отечественной войны. Песня стала другом фронтовика. Она помогала ему сражаться с врагами, защищать Родину.

Сразу завоевали популярность и любовь лучшие песни военного времени: «Священная война» А. В. Александрова и В. Лебедева-Кумача, «До свиданья, города и хаты» М. Блантера и М. Исаковского, «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седого и А. Чуркина и многие другие.

Наряду с боевыми песнями, как «Морская гвардейская» Ю. Милютина и В. Лебедева-Кумача, «Песня артиллеристов» Т. Хренникова и В. Гусева, «Песня о Днепре» М. Фрадкина и Е. Долматовского, «Шумел сурово брянский лес» С. Каца и А. Софронова, «Разведка» К. Листова и Л. Ошанина, песня о пулеметчике С. Каца и В. Дыховичного, «Махорочка» К. Листова и М. Рудермана, «Смуглянка» А. Новикова и Я. Шведова и другие, на фронте и в тылу бытовала и советская песенная лирика.

В 1941—1944 гг. появились новые имена композиторов-песенников. Некоторые из них работали и раньше, но заявить о себе громким творческим голосом они смогли лишь в военное время. Тут прежде всего можно назвать В. Соловьева-Седого, Б. Мокроусова, Л. Бакалова и М. Фрадкина, В. Сорокина, Б. Терентьева, С. Туликова, М. Табачникова.

Инерцией песенного творчества военного времени живут и многие сегодняшние песни, не только по тематике, но и по использованию приемов. Мы никак не можем еще по-настоящему приблизиться к темам мирного труда, к темам социалистического созидания. А это давно пора сделать.

Было бы неверно думать, что темы Великой Отечественной войны уже исчерпаны в песне. Наоборот, монументальные произведения о подвиге советского народа могут быть и должны быть созданы именно сейчас, когда время помогает наивысшему осознанию героизма страны и ее победы. Разве не так было с лучшими песнями о гражданской войне, родившимися в период первой пятилетки?

Военные песни нужны нам как постоянное напоминание об окружении, в котором живет страна. Но вместе с этим народу необходимы песни, выражающие пафос мирного труда, дела, думы и мечты советских людей. Над созданием таких песен и должны работать сейчас наши поэты и композиторы.

Народные песни выдерживают испытание многих десятилетий. Песни на стихи классиков не забываются. Живут сегодня и лучшие из советских песен, среди которых можно назвать «Каховку», «Москву майскую», «Песню о Чапаеве». Но есть песни, которые не звучат, не приняты народом, хотя и написаны совсем недавно.

Наши композиторы часто бывают невзыскательными в выборе стихотворных текстов. Приходится слышать и жалобы композиторов на существующий якобы недостаток песенных текстов. Думается, что это утверждение не имеет под собой почвы. Следует чаще и внимательнее знакомиться с книгами наших поэтов. Так сделал И. Ильин, создавший несколько романсов на слова С. Щипачева. В сборнике того же С. Щипачева К. Листов нашел непесенный, на первый взгляд, текст стихотворения «По дороге в совхоз» и написал очень хорошую эстрадно-лирическую песню «Дождь». Тексты для песен надо искать в поэзии. Только не в той поэзии, в какой искал их, например, композитор Н. Мясковский, писавший романсы на стихи... З. Гиппиус. Из мистических, декадентских стихов Гиппиус, конечно, не может возникнуть ни советская песня, ни советский романс!..

О песнях не принято писать даже коротких рецензий. С этой дурной традицией надо бороться. Такой вывод вытекает и из постановления ЦК ВКП(б) о музыке, и из указания партии на значение критики и библиографии в советской печати.

Много хороших песен поет советский народ, но в свете тех требований, которые пред'являет к искусству наша партия, композиторам и поэтам предстоит еще очень большая работа.

Мы обязаны создать и создадим новые песни, красивые и сильные, песни, достойные сталинской эпохи.

Великий Горький с трибуны I всесоюзного с'езда писателей в 1934 году поставил перед нами именно эту задачу:

«Мир очень хорош и благодарно услышал бы голоса поэтов, если б они вместе с музыкантами попробовали создать песни,—новые, которых не имеет мир, но которые он должен иметь».

Н. КАРИНЦЕВ

Каннибал в театре

В сегодняшней Франции Жан Ануйль— один из самых модных драматургов. Его пьесы имеют «большую» прессу, собирают самую изысканную публику. В течение пятнадцати лет парижские театры почти ежегодно (не исключая и периода оккупации) ставили новые пьесы этого плодовитого и, надо сказать, довольно изобретательного по части сценических эффектов драматурга. Однако никогда еще вокруг его имени не было такой рекламной шумихи, как в наши дни.

Ануйль хорошо ужился с оккупантами. По его собственному выражению, он был «достаточно аполитичен», чтобы не возражать против постановки своих пьес при немцах, и «в меру политичен», чтобы, не краснея, принимать снисходительные похвалы гитлеровцев. В кругах, делающих сегодня во Франции «политическую погоду», эти факты биографии Ануйля преданы забвению, зато его драматургия, так пришедшаяся по вкусу фашистам, снискала громкое и единодушное признание в лагере современной французской реакции. Для Ануйля настало золотое время. О нем, захлебываясь, пишут театральные критики бульварной и официозной прессы, без тени смущения его ставят в один ряд с классиками, Мольером, Бомарше. Пьесы Ануйля экранизируют, играют почти на всех европейских сценах; они перешагнули вместе с пьесами Сартра океан, и жадная до сенсаций бродвейская публика смакует их с упоением, как «остро-пикантное блюдо» парижской кухни.

Драматургия Ануйля дошла до нас в виде двух сборников, озаглавленных «Розовые пьесы» и «Черные пьесы» и об'единивших почти все его «боевики».

Ануйль начал свою драматургическую карьеру в 1932 году (ему было тогда двадцать лет) пьесой с интригующим названием «Горностай». По словам критика и почитателя Ануйля — Поля Бланшара, многообещающий юноша вступил на французскую сцену, «разбивая стекла, ломая двери и замки, взрывая петарды под носом у публики и даже самой критики». Описание, скажем прямо, красочное и не лишенное своеобразия гангстеровского жаргона.

Чем же так отличилась эта восходящая «звезда» французского театра?

Горностай — символ непорочности, белоснежной чистоты; в пьесе Ануйля этот символ олицетворяется в образе убийцы и вора Франца, прикончившего богатую старуху, чтобы овладеть приданым ее племянницы, своей возлюбленной. Ситуация достаточно банальная, однако именно эта ситуация «разбила стекла и двери французских театров», а вместе с ними и сердца парижских снобов. Дело в том, что Франц — не просто убийца, а убийца с «идеей»; он, по выражению Бланшара, «двоюродный брат Раскольникова и внук стендалевского Жюльена Сореля». Какова же философия этого нового преступника с «идеей»? Ануйль говорит об этом просто и ясно, вкладывая в уста своего героя-убийцы следующие слова: «Моя любовь слишком чиста, чтобы она могла обойтись без денег». И дальше: «Я буду строить свою любовь без всякой жалости, даже если каждый камень в ее здании будет означать преступление». Французская буржуазная критика тотчас возвела это признание белоснежного «Горностая» в новый моральный принцип, присвоив ему и соответствующую моральную категорию — «искренний имморализм, цинизм нежности».

Пьеса «Горностай» — это действительно циничная проповедь убийства и преступления, и даже больше, чем проповедь, — прямое руководство к действию. Первые два акта пьесы обучают тому, как вымогать деньги у друзей и родственников, а третий, насыщенный отвратительными натуралистическими подробностями, об'ясняет, как убивать, оставаясь «чистым» для любви. Не случайно эта пьеса пятнадцатилетней давности именно теперь с такой помпой возродилась на сценах парижских театров.

Но «Горностай» — это только первый шаг на бесславном пути драматурга. Ануйль включил его в сборник «черных» пьес, подчеркнув этим печальный конец своего героя, понесшего кару за совершенное им преступление. В те времена, когда писалась эта пьеса, у буржуазии еще были в моде добродетельные развязки. Безоговорочным прославлением преступления и порока стала другая его пьеса—«Бал воров», открывающая сборник «розовых» пьес. У Ануйля и тут своя «философия», своя «идея». В реальной действительности все люди — воры. Одни крадут деньги, другие — счастье, третьи — девичью чистоту: кто во что горазд. Это принцип, основа жизни. Персонажи «Бала воров» — отвратительные маски, но автор доказывает, что именно эти маски и есть настоящие лица. Изящные великосветские денди и грубые, неотесанные бандиты, все они одинаково «танцуют» свою воровскую пляску на краю бездны, которая лишь по недоразумению именуется жизнью.

Ануйль назвал «Бал воров» комедией-балетом. Под визгливую мелодию дьявольского кларнета, на котором наигрывает музыкант, олицетворяющий судьбу, герои Ануйля, грациозно приплясывая, совершают самые гнусные поступки. «Розовый флер» музыки и балета необходим Ануйлю для того, чтобы буржуазный зритель, упаси боже, не принял его пьесу за разоблачение и не отшатнулся от нее. Французские критики с серьезным видом писали, что формула «комедия-балет» определяет «глубокую философию» пьесы: «Дело не только в музыкальном сопровождении, — балет организует весь внутренний строй пьесы». Розовая магия сделала свое дело, а каков этот «внутренний строй» мы уже видели.

Действие другой пьесы из «Розового» сборника — «Леокадия» — происходит в роскошно обставленном доме некоей герцогини, в фантастическом парке; здесь все выдумано и нет ничего реального. В этой пьесе, где, по восторженной оценке критики, «все доведено до абсурда», настойчиво и упорно звучит одна и та же нота, значение которой наиболее вразумительно вскрыто в реплике-формуле: «Какая чудесная вещь, какое ясное и простое слово: порок!» Герои Ануйля жаждут порока, стремятся к нему, не видят перед собой никакой другой цели. Все в жизни относительно — абсолютен лишь порок. И французская критика, переводя этот тезис на свой язык, говорит: «Да, в нашем обществе, где все, от простого чувства до политики,—туман и релятивизм, нам понятна эта страстная жажда абсолюта!»

На последней выставке парижского Осеннего салона, по словам газет, «гвоздем» была картина, изображающая пустыню, по которой идут мертвые, отрубленные человеческие ноги с содранной кожей и обнаженными нервами. У немногих здравомыслящих посетителей выставки эта картина буквально вызывала тошноту. Согласно канонам экзистенсиалиста Сартра, «тошнота — это норма человеческого бытия, сопутствующая истинному восприятию мира», но для простого здорового человека тошнота — болезненное состояние, от которого излечивает медицина. Между тем, для извращенных буржуазных снобов и Сартр и Ануйль — законодатели современного искусства. Ануйль вместе с Сартром творит одно и то же гнусное дело, угодное тем, кто сейчас хозяйничает и в Западной Европе и в Америке, кто диктует буржуазному обществу законы поведения не только в политике и экономике, но и в морали, культуре, искусстве.

У Ануйля товар на всякий вкус. Кому не нравятся «розовые» пьесы, для того имеются «черные». В отличие от «розовых» пьес, в них действуют не герцоги и бандиты, а простые, маленькие люди современной мелкобуржуазной Франции.

Завуалированная проповедь преступления, убийства и порока в «черных» пьесах заменяется проповедью ясной и недвусмысленной: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Крушение всех надежд, гибель и смерть — вот что подстерегает на каждом шагу простых, маленьких людей. «Судьба, грозная и беспощадная — вот главный герой пьес Ануйля», — с восторгом вещает один критик. Ему вторит другой: «Невозможность счастья — вот трагический образ театра Ануйля».

Непреодолимость рока, беспомощность перед ним жалкого человека-муравья — такова «философия» и «черных» и «розовых» пьес Ануйля.

Так гибнет маленькая артистка Тереза в пьесе «Дикарка», уходя от жизни в мрак, в неизвестность. С предельным цинизмом изображает Ануйль людей, окружающих Терезу, начиная от родителей, торгующих честью дочери, и кончая ее женихом, самодовольным, отвергающим все реальное, композитором. В жизни нет ни цели, ни счастья, да и не может быть! Подчинись судьбе и забудь о том, что ты — человек, — такова мораль этой пьесы.

Ануйль любит воскрешать мифы древности; на страницы своих пьес он вызывает духов античного мира, наделяя их функциями современных людей.

Такова его «черная» пьеса «Эвридика», в которой маленькая артисточка ищет, находит и тут же теряет своего Орфея в лице бродячего музыканта. Ануйль даже сохраняет для своих героев мифологические имена, но то, что у древних греков звучало, как трагедия, у Ануйля звучит, как фарс. Рок у него олицетворяется загадочным мсье Анри, господином в непромокаемом пальто и кепи, надвинутой на лоб. Эвридика имела в прошлом трех любовников, несмотря на свои 16 лет, и гибнет при железнодорожной катастрофе. Орфей вызывает своей игрой тень Эвридики в номер гостиницы и уходит вместе с ней с перрона вокзала в «царство теней», где, наконец, они сумеют найти свое «неземное» счастье. Такова нехитрая механика этой пьесы, провозглашенной чуть ли не «венцом» современной французской драматургии. Такова и его другая попытка осовременить древнегреческую трагедию — «Антигона», имевшая сенсационную прессу и успех у элегантной публики премьер, но потерпевшая полный провал у широкого зрителя.

«Это театр отчаяния, без веры и без милосердия в теологическом смысле этого слова, — пишет об ануйлевской драматургии ее адвокат Бланшар, — театр нашего поколения, вернее, нашего века». Критик, видимо, не сознает, какой страшный приговор он подписывает этими словами и Ануйлю и своему буржуазному веку. Почти одновременно в газете «Журналь» писательница Колетт высказалась по поводу пьес Ануйля: «Это театр каннибализма». Не думайте, что Колетт иронизирует, бичует, клеймит. Нет, она находит в этом высшее достижение французского искусства. Бланшар подхватил мнение Колетт и добавил лишь, что с пьесами Ануйля на сцене «появился каннибал с острыми зубами, могучей челюстью, огромным аппетитом и ненасытным бешенством».

Вот он — вариант давно знакомой нам «белокурой бестии» Ницше, которую Гитлер провозгласил образцом высшей арийской расы, бестии, которую сейчас быстро перекрашивают и подстригают на американский лад французские парикмахеры от искусства.

Драматургия Ануйля, конечно, не случайно была хорошо принята гитлеровскими молодчиками; не случайно Ануйлю бешено хлопали фашистские «сверхчеловеки». И так же не случайно теперь, когда Францию топчет своей «долларовой пятой» американский монополист, Ануйль обрел высоких покровителей, обряженных в платье с американского плеча.

Искусный мастер своих дел, Ануйль работает не за страх, а за совесть. Но никакая ловкость рук не в состоянии помочь Ануйлю замазать отвратительные рожи бандитов и убийц, гримасничающих на страницах его пьес, никакая парфюмерия не сможет заглушить тошнотворного запаха гниения и смерти, которым отдает от каждой строчки его произведений.

Jean Anouilh. Pièces roses. Ed. Balzac. Paris.

Jean Anouilh. Pièces noires. Ed. Calmann — Lévy. Paris.

ОСВОБОЖДЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ КИТАЯ НА 15 АПРЕЛЯ 1948 г.

ПАРТИЗАНСКИЕ РАЙОНЫ

ЛИНИЯ ФРОНТА В РАЙОНАХ АКТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

Весеннее наступление Народно-освободительной армии Китая

В дни зимних поражений гоминдановские лидеры сулили своим приунывшим сторонникам, что весной на всех фронтах положение войск Чан Кай-ши серьезно улучшится. Но обещания так и остались обещаниями... В настоящее время Народно-освободительная армия начала весеннее наступление.

В начале марта части Народно-освободительной армии развернули активные действия в районе Шаньси—Чахар—Хэбэй вдоль Бэйпин-Суйюаньской железной дороги и овладели несколькими важными стратегическими пунктами на участках Датун—Калган и Бэйпин—Калган. Одновременно другие части Народной армии обошли Датун с севера и перерезали железнодорожную линию Датун—Гуйсуй. Сейчас освободительная армия наступает на столицу провинции Суйюань—Гуйсуй и на город Калган.

Северо-восточная Народно-освободительная армия в марте заняла Сыпингай и Гирин—города, имеющие большое стратегическое и экономическое значение.

Потеря этих пунктов, естественно, обострила и без того незавидное положение войск Чан Кай-ши. Гоминдановцы, занимающие не более одного процента территории Маньчжурии, предпринимают отчаянные усилия удержать свои последние оплоты на северо-востоке — Мукден и Чанчунь. Они пытаются контратаковать освободительную армию в районе южнее Мукдена. Но тщетно! Народные силы после победы у Сыпингая и Гирина продолжают наносить врагу поражение за поражением, и с каждым днем становится все яснее, что отступление войск Чан Кай-ши из Маньчжурии или их полное уничтожение является лишь вопросом времени.

Наряду с операциями в Северном Китае и Маньчжурии всеобщее внимание привлекают военные действия в Центральном Китае.

Ожесточенное сражение происходит в провинции Цзянсу — в секторе Люхэ (45 километров от Нанкина), а также в районах Хаймыня и Наньтуна. По сообщениям прессы, после ожесточенных боев части Народно-освободительной армии форсировали Янцзы и заняли важную военно-морскую базу Цзяньинь.

Бои в устье реки Янцзы имеют первостепенное значение, так как речь идет о территории, непосредственно примыкающей к Нанкину и Шанхаю. Тот факт, что гоминдановцы не в состоянии контролировать положение даже в окрестностях своей столицы, является весьма знаменательным.

Народная армия нанесла поражение войскам Чан Кай-ши и в провинции Хэнань. В начале апреля она вновь овладела важным городом на Лунхайской железной дороге — Лояном и продолжает наступать на Чжэнчжоу. Желая ослабить впечатление от потери Лояна, представитель гоминдановского командования Дэн Вэнь-и заявил, что «уход гоминдановских войск из Лояна является частью новой стратегии гоминдановского командования, которая заключается в том, чтобы уходить из стратегически важных пунктов». (!) Поистине трудно убийственнее охарактеризовать «стратегию» Чан Кай-ши!

Особо следует отметить операции народных войск в провинции Шаньдун. Они заняли несколько городов на железной дороге Циндао—Цзинань, осадили Вэйсянь и Цзинань и перерезали Тяньцзинь-Пукоускую железную дорогу. Неудачи в центральной части провинции Шаньдун заставили гоминдановцев эвакуировать блокированные народной армией порты Лункоу, Пэнлай и Вэйхайвэй.

Таково ныне положение на основных фронтах гражданской войны в Китае.

Чан Кай-ши принимает чрезвычайные меры по борьбе с ростом демократического движения, строя свои планы в расчете на новые американские ассигнования. Однако ни американская помощь, ни потуги гоминдановцев путем организационных мероприятий добиться изменения военного положения в свою пользу не могут принести желаемых результатов. Китайский народ выступает против Чан Кай-ши. Войска Чан Кай-ши ненадежны, их боеспособность находится на низком уровне, резервы истощены. Особенно ярко это проявилось во время боев за Инкоу, Сыпингай, Гирин, Фоусин в Маньчжурии, когда гоминдановские войска были дезорганизованы после первого же удара частей Народно-освободительной армии. Это был вынужден признать и сам Чан Кай-ши. В своей речи в Национальном собрании в Нанкине девятого апреля он заявил, что «значительная часть правительственных войск разложилась, плохо дисциплинирована и имеет низкий моральный уровень».

О. ПРУДКОВ

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Дружба славянских народов

Русская поэзия, давшая миру Пушкина и Некрасова, Лермонтова и Маяковского, давно уже стала предметом пристального внимания и изучения во всем мире. Этому способствовали не только замечательные достижения ее лучших представителей, но и все возрастающая роль русского народа в истории всего человечества. Русских поэтов всегда охотно и много переводили на языки других народов, переводили поэты первоклассные, понимавшие, насколько может обогатиться их личное творчество от соприкосновения с таким мощным, глубоким и чистым источником. Добавим к этому, что рождение советской поэзии еще более усилило интерес к поэтическому творчеству русского народа, так как, знакомясь с творчеством поэтов советской эпохи, зарубежный читатель стремился и стремится проникнуть в сущность грандиозных перемен, происшедших на одной шестой земного шара. Общеизвестно, какое огромное влияние оказало творчество Владимира Маяковского на развитие революционной поэзии во всем мире—от стран Центральной Европы до Латинской Америки, от Китая до Балканского полуострова. И не только это,—стихи и песни советских поэтов стали необходимейшим предметом духовного обихода, оружием борьбы всего передового человечества. Об этом свидетельствуют как многочисленные переводы отдельных произведений русской поэзии, появляющиеся непрерывно в зарубежной печати, так и выход антологий, в которых делаются попытки представить русскую поэзию в ее общем современном виде или в историческом развитии.

Недавно такая антология, озаглавленная «Два века русской поэзии», вышла в Польше. В ней собраны произведения русской поэзии от Ломоносова до наших дней. Уже одно это делает издание антологии выдающимся литературным событием. Если же принять во внимание, что ее составители поставили перед собой задачу не только показать путь развития русской поэзии, но и этапы развития польского перевода русских стихов, то выход антологии приобретет особое значение, как явление, подытоживающее опыт двухвекового творческого общения двух славянских народов.

Составители антологии проделали огромную работу, они извлекли из забытых изданий ряд превосходных переводов, которые, обладая несомненной художественной ценностью, вместе с тем являются определенными этапами воплощения русской поэтической мысли в польском языке. Это в полной мере относится к «Оде» Ломоносова в переводе Яна Крушинского, к оде «Бог» Державина в переводе Игнация Шидловского, о которой вспоминает Мицкевич в лекциях о славянских литературах, к переводам Франтишка Салезы Дмоховского—из Крылова, Трембецкого — из Нелединского-Мелецкого, к прекрасным переводам Вл. Сырокомли и, наконец, к переводу стихотворения Лермонтова «Желание» («Зачем я не птица, не ворон лесной»), исполненному молодым Стефаном Жеромским.

Первый поэтический перевод с русского на польский язык появился в 1802 году, когда находившийся при петербургском дворе Ст. Трембецкий встретился с Нелединским-Мелецким. С тех пор, кроме названных уже выше имен, русских поэтов переводили Эдвард Одынец, Якуб Юркевич, М. Коровай-Метелицкий. Еще в прошлом столетии Антонием Колянковским были переведены «Хаджи-Абрек» и «Маскарад» Лермонтова и «Моцарт и Сальери» Пушкина. Лермонтовского «Демона» перевел на польский язык М. Коровай-Метелицкий.

По свидетельству самих поляков, Сырокомля превзошел собственное творчество в переводах из Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Некрасова, Никитина и Курочкина. Переводом «Евгения Онегина», исполненным Лео Бельмонтом, открывается новый период в искусстве польского поэтического перевода с русского языка. В этот период плодотворно работает большая группа выдающихся польских поэтов, среди которых выделяется имя Юлиана Тувима. Невозможно перечислить имена всех польских поэтов, переводивших русские стихи, но было бы несправедливо, если бы мы не упомянули Мечислава Яструна и Северина Полляка, являющихся составителями и редакторами антологии, а также группу поэтов, вдохновленных пафосом поэзии Маяковского,—Адама Важика, Леона Пастернака, Юлиана Пшыбося и Артура Сандауера.

Антология снабжена предисловием, заключительной статьей и примечаниями, в которых высказаны те соображения, которыми руководствовались составители и редакторы в своей работе. В предисловии сообщается, что в основу антологии легли произведения авторов, «которые сыграли выдающуюся роль в истории русской поэзии. Редакторы антологии усматривали в этих авторах не только представителей определенной литературной формы, творцов определенных новых поэтических направлений, смотрели на них не только под углом зрения эстетическим, но также с точки зрения их общественной роли».

К сожалению, редакторы не до конца придерживаются этого совершенно правильного положения. Чем же иным можно об'яснить наличие в антологии произведений таких поэтов, которые не только не занимали выдающегося места и не сыграли сколько-нибудь заметной положительной общественной роли, но, напротив, выступали с антиобщественных, антидемократических, а то и прямо реакционных позиций, как, например, Гумилев, Кузмин, Мандельштам, Вяч. Иванов и некоторые другие?

Это дает себя знать и в тех случаях, когда составители антологии, преувеличивая значение представителей «чистого искусства» в русской поэзии, уделяют им чрезмерно большое место за счет передовой демократической лирики.

Вполне возможно, что эта путаница произошла по причинам, от составителей не зависящим. В том же предисловии, например, говорится, что подбор текстов для антологии осуществлялся на основе уже готовых переводов. Но вряд ли может служить оправданием то, что составители «не заказывали новых переводов, основываясь на опыте, что этого рода переводы очень редко удаются переводчикам, что совершенный перевод является исключением». Подобный принцип подбора привел к тому, что такие видные советские поэты, как Д. Бедный, А. Сурков, М. Исаковский, А. Прокофьев, М. Алигер и другие, в антологии не представлены. У польского читателя, таким образом, составляется далеко не полное и не вполне верное представление о современной русской советской поэзии.

Опыт работы советских поэтов над составлением больших антологий поэзии братских народов опровергает неверную мысль о несостоятельности заказов на переводы. Несомненно, что при выборе об'екта для перевода поэт должен быть абсолютно свободен, ибо только в этом случае его работа увенчается успехом и чужая веточка привьется на дереве его родного поэтического языка; но в том-то и состоит особенность большой работы, что в ней каждый может найти себе место соответственно своему вкусу и вдохновению, и что самое участие в такой коллективной работе, являющейся делом и поэтическим и общественным, представляет для поэта источник непосредственного творческого вдохновения.

Если бы составители рецензируемой антологии до конца отказались от устарелых представлений и иллюзий, мы бы не обнаружили в их заслуживающем всяческих похвал труде досадных преувеличений и ненужных пропусков.

Антология «Два века русской поэзии» является свидетельством все возрастающей дружбы братских славянских народов, выражением роста их национальной культуры; но вместе с благодарностью составителям и переводчикам антологии за их замечательный труд мы вправе по-дружески указать им на их ошибки и надеяться на их исправление в последующих изданиях.

Dwa wieki poezji rosyjskiej. Antologia. Ułożyli i opracowali Mieczysław Jastrun i Seweryn Pollak. „Czytelnik", Warszawa. 1947. II. 488.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01717.